

ЕРЕОВ.

КОНЕК-
ГОРБУНОК

E $\frac{66}{182}$

E 66
182

ИЗДАНИЕ СЕДЬМОЕ.

66
КОНЕКЪ ГОРБУНОНЪ.
182.

РУССКАЯ СКАЗКА.

СОЧИНЕНИЕ

ПЕТРА ЕРШОВА.

СЪ СЕМЬЮ КАРТИНКАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

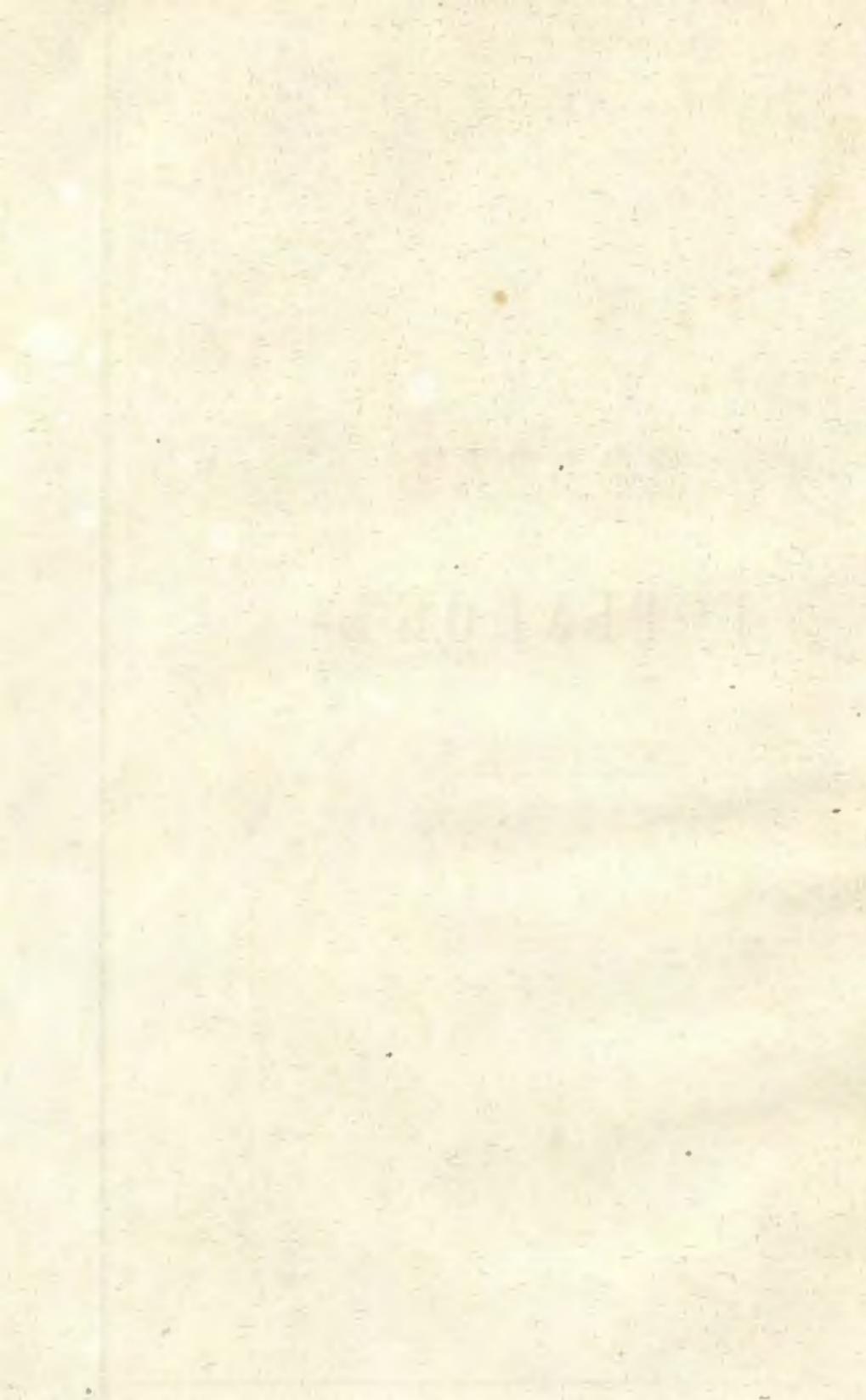
1868.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

И. М. КРАШЕНИННИКОВОЙ и Д. Ф. ФЕДОРОВА.

КОНЕКЪ
ГОРБУНОКЪ
СКАЗКА.

КОНЕКЪ ГОРБУНОКЪ.

РУССКАЯ СКАЗКА

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТИХЪ

СОЧИНЕНИЕ

ПЕТРА ЕРШОВА.

§ 8 срок¹⁴

3/х 34

Съ семью картинками, рисованными на деревѣ
Р. К. Жуковскимъ и гравированными Л. Свяковымъ.

ИЗДАНIE СЕДЬМОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Продается въ книжныхъ магазинахъ М. М. Крашенинниковой
и Д. О. Федорова.

1868.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Февраля 1868 г.

2007066552

1500 - 0

Въ Типографії Втораго Отдѣленія Соб. Е. И. В. Капцеларіи.

ЧАСТЬ I.

„Начинается сказка сказываться.“

За горами, за лѣсами,
За широкими морями,
Противъ неба, — на землѣ,
Жилъ стариkъ въ одномъ селѣ.
У старинышки три сына:
Старшій умный былъ дѣтина,
Средній сынъ и такъ и сякъ,
Младшій вовсе былъ дуракъ.
Братья сѣяли пшеницу,
Да возили въ градъ столицу;
Знать столица та была

Не далече отъ села.
Тамъ пшеницу продавали,
Деньги счетомъ принимали,
И съ набитою сумой
Возвращались домой.

Въ долгомъ времени, аль вскорѣ,
Приключилося имъ горе:
Кто-то въ полѣ сталъ ходить
И пшеницу шевелить.
Мужички такой печали
Отродяся не видали;
Стали думать, да гадать —
Какъ бы вора соглядатъ.
Наконецъ себѣ смекнули,
Чтобъ стоять па караулѣ,
Хлѣбъ ночами поберечь,
Злаго вора подстеречь.

Вотъ, какъ стало лишь смеркаться,
Началъ старшій братъ сбираться,

Вынуль вилы и топоръ,
И отправился въ дозоръ.
Ночь ненастная настала;
На него боязнь напала,
И со страховъ нашъ мужикъ
Закопался подъ сѣнникъ.
Ночь проходитъ, день приходитъ;
Съ сѣнника дозорный сходить,
И, обливъ себя водой,
Сталъ стучаться подъ избой:
«Эй, вы сонныя тетери!
«Отпирайте брату двери.
«Подъ дождемъ я весь промокъ
«Съ головы до самыхъ ногъ.»
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его —
Не видаль ли онъ чего? —
Караульщикъ помолился,
Вправо, влѣво поклонился,
И, прокашлявшись, сказалъ:

«Всю я ноченьку не спалъ.

«На мое-жъ при томъ несчастье

«Было страшное ненастье:

«Дождь вотъ такъ ливмя и лиль,

«Рубашенку всю смочиль.

«Ужъ куда какъ было скучно!...

«Впрочемъ все благополучно.»

Похвалилъ его отецъ:

«Ты, Данило, молодецъ! —

«Ты, вотъ такъ сказать примѣрно,

«Сослужилъ мнѣ службу вѣрно,

«То есть, будучи при всемъ,

«Не ударилъ въ грязь лицомъ.»

Стало съизнова смеркаться:

Средній братъ пошелъ сбираться,

Взялъ и вилы, и топоръ,

И отправился въ дозоръ.

Ночь холодная настала,

Дрожь на малаго напала,

Зубы начали плясать;

Онь ударился бѣжать,—
И всю ночь ходилъ дозоромъ,
У сосѣдки подъ заборомъ.
Жутко было молодцу!
Но вотъ утро. Онь къ крыльцу.
»Эй вы, сони! что вы спите!
«Брату двери отоприте;
«Ночью страшный былъ морозъ:
«До животиковъ промерзъ.»
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его—
Не видаль ли онъ чего?—
Караульщикъ помолился,
Вправо, влѣво поклонился,
И сквозь зубы отвѣчалъ:
«Всю я ноченьку не спалъ,
«Да къ моей судьбѣ несчастной,
«Ночью холодъ былъ ужасный:
«До сердцовъ меня пробралъ,
«Всю я почку проскакалъ.

«Слишкомъ было несподручно....

«Впрочемъ все благополучно.»

И ему сказалъ отецъ:

«Ты, Гаврило, молодецъ!»

Стало въ третій разъ смеркаться,

Надо младшему сбираться;

Онъ и усомъ не ведеть,

На печи въ углу поетъ

Изо всей дурацкой мочи:

«Распрекрасныя вы очи!»

Братья ну ему пенять,

Стали въ поле погонять;

Но сколь долго не кричали,

Только голосъ потеряли:

Онъ ни съ мѣста. Наконецъ,

Подошелъ къ нему отецъ,

Говорить ему: «Послушай,

«Побѣгай въ дозоръ, Ванюша;

«Я куплю тебѣ лубковъ,

»Дамъ гороху и бобовъ.»

Тутъ Иванъ съ печи слѣзаетъ,
Малахай свой надѣваетъ,
Хлѣбъ за пазуху кладеть,
Караулъ держать идетъ.

Ночь настала; мѣсяцъ всходитъ;
Поле все Иванъ обходить,
Озираючись кругомъ,
И садится подъ кустомъ.
Звѣзды на небѣ считаетъ,
Да краюшку уплетаетъ.
Вдругъ о полночь конь заржалъ...
Караульщикъ нашъ привсталъ,
Посмотрѣлъ подъ рукавицу,
И увидѣлъ кобылицу.
Кобылица та была
Вся какъ зимній снѣгъ бѣла,
Грива въ землю, золотая,
Въ мелки кольцы завитая.
«Эхе-хе! такъ вотъ какой
«Нашъ воришко!... Но, постой,

«Я шутить вѣдь не умѣю,
«Разомъ сяду те на шею.
«Вишь какая саранча!»
И минуту улucha,
Къ кобылицѣ подбѣгаetъ,
За волнистый хвостъ хватаетъ—
И прыгнуль къ ней на хребетъ—
Только задомъ напередъ.
Кобылица молодая,
Очми бѣшено сверкая,
Змѣемъ голову свила,
И пустилась какъ стрѣла.
Вѣтсѧ кругомъ надъ полями,
Виснетъ пластью надо рвами,
Мчится скокомъ по горамъ,
Ходитъ дыбомъ по лѣсамъ,
Хочетъ силой, аль обманомъ,
Лишь бы справиться съ Иваномъ;
Но Иванъ и самъ не простъ:—
Крѣпко держится за хвостъ.

Наконецъ она устала.
«Ну, Иванъ (ему сказала),
«Коль умѣль ты усидѣть,
«Такъ тебѣ мнай и владѣть.
«Дай мвѣ мѣсто для покою,
«Да ухаживай за мною,
«Сколько смыслишь. Да смотри,
«По три утрени зары
«Выпушай меня на волю,
«Погулять по чисту полю.
«По исходѣ же трехъ дней,
«Двухъ рожу тебѣ коней—
«Да такихъ, какихъ по нынѣ
«Не бывало и въ поминѣ;
«Да еще рожу конька,
«Ростомъ только въ три вершка,
«На спинѣ съ двумя горбами,
«Да съ аршинными ушами.
«Двухъ коней коль хошь, продай,
«Но конька не отдавай
«Ни за поясъ, ни за шапку,

«Ни за чернью, слышь, бабку.
«На землѣ и подъ землей
«Онъ товарищъ будетъ твой;
«Онъ зимой тебя согрѣть,
«Лѣтомъ холодомъ обвѣть.
«Въ голодъ хлѣбомъ угостить,
«Въ жажду медомъ напоить.
«Я же снова выйду въ поле,
«Силы пробовать на волѣ.»

Ладно, думаетъ Иванъ,
И въ пастушій балаганъ
Кобылицу загоняетъ,
Дверь рогожей закрываетъ,
И лишь только разсвѣло,
Отправляется въ село,
Напѣвая громко пѣсню:
«Ходилъ молодецъ на прѣсню.»

Вотъ онъ всходитъ на крыльцо,
Вотъ хватаетъ за кольцо,

Что есть силы въ дверь стучится,
Чуть что кровля не валится,
И кричить на весь базарь,
Словно сдѣлался пожаръ.

Братья съ лавокъ поскакали,
Заикаясь, вскричали:

«Кто стучится сильно такъ?»
— «Это я, Иванъ-дуракъ!»—

Братья двери отворили,
Дурака въ избу впустили,
И давай его ругать,—

Какъ онъ смѣль ихъ такъ пугать!

А Иванъ нашъ, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,

Отправляется на печь
И ведеть оттуда рѣчь
Про ночное похожденье,
Всѣмъ ушамъ на удивленье;
«Всю я ноченьку не спалъ,
«Звѣзды на небѣ считалъ;
«Мѣсяцъ ровно тожъ свѣтилъ,

«Я порядкомъ не примѣтилъ.

«Вдругъ приходитъ дьяволъ самъ,

«Съ бородою и съ усамъ;

«Рожа словно какъ у кошки,

«А глаза-то что те плошки!

«Вотъ и сталъ тотъ чортъ скакать

«И зерно хвостомъ сбивать.

«Я шутить вѣдь не умѣю,

«И вскочи ему на шею.

«Ужь таскалъ же онъ, таскалъ,

«Чуть башки мнѣ не сломалъ;

«Но и я вѣдь самъ не промахъ,

«Слыши, держалъ его какъ въ жомахъ,

«Бился, бился мой хитрецъ

«И взмолился наконецъ:

— «Не губи меня со свѣта!

«Цѣлый годъ тебѣ за это

«Обѣщаюсь смирно жить,

«Православныхъ не мутить.» —

«Я, слыши, словъ-то не помѣрилъ,

«Да чертёнку и повѣрилъ.»

Тутъ разскащикъ замолчалъ,
Позѣвнуль и задремалъ.
Братья, сколько не сердчали,
Не смогли — захочотали,
Ухватившись подъ бока,
Надъ разсказомъ дурака.
Самъ стариkъ не могъ сдержаться,
Чтобъ до слезъ не посмѣяться,
Хоть смѣяться, такъ оно
Старикамъ ужъ и грѣшно.

Много ль времени, аль мало
Съ этой ночи пробѣжало, —
Я про это ничего
Не слыхалъ ни отъ кого.
Ну, да что намъ въ томъ за дѣло, —
Годъ ли, два ли пролетѣло,
Вѣдь за ними не бѣжать!...
Станемъ сказку продолжать.

Ну-съ, такъ вотъ что! Разъ Данило

(Въ праздникъ, помнится, то было),
Натянувшись зѣльно пьянъ,
Затащился въ балаганъ.
Что жъ онъ видить? — Прекрасивыхъ
Двухъ коней золотогривыхъ,
Да игрушечку — конька
Ростомъ только въ три вершка,
На спинѣ съ двумя горбами,
Да съ аршинными ушами.
«Хмъ! теперь-то я узналъ,
«Для чего здѣсь дурень спалъ»
Говорить себѣ Данило....
Чудо разомъ хмѣль посгило.
Вотъ Данило въ домъ бѣжитъ
И Гаврилѣ говоритъ:
«Посмотри, какихъ красивыхъ
«Двухъ коней золотогривыхъ
«Нашъ дуракъ себѣ досталъ:
«Ты и слыхомъ не слыхалъ.»
И Данило, да Гаврило,
Что въ ногахъ ихъ мочи было

По крапивѣ прямикомъ
Такъ и дуютъ босикомъ.

Спотыкнувшись три раза,
Починивши оба глаза,
Потирая здѣсь и тамъ,
Входятъ братья къ двумъ конямъ.
Кони ржали и хрѣли,
Очи яхонтомъ горѣли;
Въ мелки кольца завитой
Хвостъ струился золотой,
И алмазныя копыты
Крупныи жемчугомъ обиты.
Любо-дорого смотрѣть!
Лишь царю бъ на нихъ сидѣть.
Братья такъ на нихъ смотрѣли,
Что чуть-чуть не окривѣли.
«Гдѣ онъ это ихъ досталъ?
(Старшій среднему сказалъ).
«Но давно ужъ рѣчь ведется,
«Что лишь дурнямъ кладъ дается,

«Ты жъ хоть лобъ себѣ разбей,
«Такъ не выбѣшь двухъ рублей.
«Ну, Гаврило, въ ту седьмицу
«Отведемъ-ка ихъ въ столицу.
«Тамъ боярамъ продадимъ,
«Деньги ровно подѣлимъ;
«А съ деньжонками, самъ знаешь,
«И попьешь и погуляешь,
«Только хлопни по мѣшку.
«А благому дураку
«Не достанетъ вѣдь догадки,
«Гдѣ гостятъ его лошадки;
«Пусть ихъ ищетъ тамъ и сямъ.
«Ну, пріятель, по рукамъ!»
Братья разомъ согласились,
Обнялись, перекрестились
И вернулися домой,
Говоря промежъ собой
Про коней и про пирушку,
И про чудную звѣрушку.

Время катить чередомъ,
Часъ за часомъ, день за днемъ;
И на первую седьмицу
Братья ўдуть въ градъ-столицу,
Чтобъ товаръ свой тамъ продать,
И на пристани узнатъ —
Не пришли ли съ кораблями
Нѣмцы въ городъ за холстами,
И нейдетъ ли царь Салтанъ
Басурманить Христіянъ?
Вотъ иконамъ помолились
У отца благословились,
Взяли двухъ коней тайкомъ,
И отправились тишкомъ.

Вечеръ къ ночи пробирался:
На ночлегъ Иванъ собрался;
Вдоль по улицѣ идетъ,
Ѣсть краюшку, да поетъ.
Вотъ онъ поля достигаетъ,
Руки въ боки подпираеть.

И съ прискочкой, словно панъ,
Бокомъ входитъ въ балаганъ.

Все по прежнему стояло,
Но коней какъ не бывало;
Лишь игрушка—Горбунокъ
У его вертѣлся ногъ,
Хлопаль съ радости ушами,
Да приплясывалъ ногами.
Какъ завоетъ тутъ Иванъ,
Опершись о балаганъ:
«Ой, вы, кони буры-сивы,
«Добры кони златогривы!
«Я лъ васъ, други, пе ласкалъ,
«Да какой васъ чортъ укралъ?
«Чтобъ прощастъ ему, собакъ!
«Чтобъ издохнуть въ буеракѣ!
«Чтобъ ему на томъ свѣту
«Провалиться на мосту!
«Ой, вы, кони буры-сивы,
«Добры кони златогривы!»

Туть конекъ ему заржалъ:
«Не тужи, Иванъ (сказалъ);
«Велика бѣда, не спорю;
«Но могу помочь я горю.
«Ты на чорта не клепли:
«Братья кониковъ свели.
«Ну, да что болтать пустое!
«Будь, Иванушка, въ покоѣ,
«На меня скорѣй садись,
«Только знай себѣ держись;
«Я хоть росту небольшаго,
«Да смѣнью коня другаго:
«Какъ пущусь, да побѣгу,
«Такъ и бѣса настигу.»

Туть конекъ предъ нимъ ложится;
На конька Иванъ садится,
Уши въ загреби беретъ,
Что есть мочушки реветь.
Горбунокъ-конекъ встряхнулся,
Всталъ на лапки, встрепенулся,

Хлопнуль гривкой, захрапѣль,
И стрѣлою полетѣль;
Только пыльными клубами
Вихорь вился подъ ногами,
Да въ два мига, коль не въ мигъ,
Нашъ Иванъ воровъ настигъ.

Братья, то есть, испугались,
Зачесались и замялись;
А Иванъ имъ сталъ кричать:
«Стыдно, братья, воровать!
«Хоть Ивана вы умнѣе,
«Да Иванъ-то васъ честнѣе:
«Онъ у васъ коней не краль.»
Старшій, корчась, тутъ сказалъ:
«Дорогой нашъ братъ, Иваша!
«Что переться, дѣло наше;
«Но возьми же ты въ разсчетъ
«Не корыстный нашъ животъ.
«Сколь пшеницы мы не сѣемъ,
«Чуть насущный хлѣбъ имѣемъ,

«А коли неурожай,
«Такъ хоть въ петлю полѣзай.
«Вотъ въ такой большой печали
«Мы съ Гаврилой толковали
«Всю намеднишнюю ночь —
«Чѣмъ бы горюшку помочь?
«Такъ и этакъ мы рѣшали,
«Наконецъ вотъ такъ вершили,
«Чтобъ продать твоихъ коньковъ
«Хошь за тысячу рублевъ.
«А въ спасибо, молвить къ слову,
«Привезти тебѣ обнову —
«Красну шапку съ позвонкомъ,
«Да сапожки съ каблучкомъ.
«Да къ тому жъ, стариkъ неможеть,
«Работать уже не сможеть;
«А вѣдь надо жъ мыкать вѣкъ.
«Самъ ты умный человѣкъ!»
— «Ну, коль этакъ, такъ ступайте,
(Говорить Иванъ), «продайте
«Златогривыхъ два коня,

«Да возьмите жъ и меня.»

Братья больно покосились,

Да нельзя же! согласились.

Стало на небѣ темнѣть;

Воздухъ началъ холодѣть.

Вотъ, чтобъ имъ не заблудиться,

Рѣшено остановиться.

Подъ навѣсами вѣтвей

Привязали всѣхъ коней,

Принесли съ сѣстрымъ лукошко,

Опохмѣлились немножко,

И пошли, что Боже дастъ,

Кто во что изъ нихъ гораздъ.

Вотъ Данило вдругъ примѣтилъ,

Что огонь вдали засвѣтилъ.

На Гаврилу онъ взглянулъ,

Лѣвымъ глазомъ подмигнулъ

И прикашлянулъ легонько,

Указавъ огонь тихонько.

Тутъ въ затылкъ почесаль:

«Эхъ какъ темно! (онъ сказалъ).
«Хоть бы мѣсяцъ этакъ въ шутку
«Къ намъ проглянуль на минутку,
«Все бы легче. А теперь,
«Право, хуже мы теперь...
«Да постойка-ка.... мнѣ сдается,
«Что дымокъ тамъ свѣтлый вьется...
«Видишь, эвонъ!... такъ и есть!...
«Вотъ бы курево развесть!
«Чудо было бъ!... А послушай,
«Побѣгай-ка, братъ Ванюша.
«А признаться, у меня
«Ни огнива, ни кремня.»
Самъ же думаетъ Данило,
«Чтобъ тебя тамъ задавило!»
А Гаврило говорить:
«Кто пень знаетъ, что горитъ
«Коль станичники пристали, —
«Поминай его, какъ звали!»

Все пустякъ для дурака:

Онъ садится на конька,
Бьетъ въ круты бока ногами,
Теребить его руками,
Изо всѣхъ горланить силь...
Конь взвился,—и слѣдъ простыль.
«Буди съ нами крестна сила!
(Закричалъ тогда Гаврило,
Оградясь крестомъ святымъ),
«Что за бѣсь такой подъ нимъ!»

Огонекъ горитъ свѣтлѣе,
Горбунокъ бѣжитъ скорѣе.
Вотъ ужъ онъ передъ огнемъ.
Свѣтлѣе поле, словно днемъ;
Чудный свѣтъ кругомъ струится,
Но не грѣеть, не дымится.
Диву дался тутъ Иванъ.
«Что (сказалъ онъ) за шайтанъ!
«Шапокъ съ пять найдется свѣту,
«А тепла и дыму нѣту;
«Эко чудо огонекъ!»

Говорить ему конекъ:
«Вотъ ужъ есть чему дивиться!
«Тутъ лежитъ перо Жаръ-птицы.
«Но для счастья своего
«Не бери себѣ его:
«Много, много непокою
«Принесеть оно съ собою.»
— «Говори ты! какъ не такъ!»—
Про себя ворчитъ дуракъ,
И, поднявъ перо Жаръ-птицы,
Завернуль его въ тряпицы,
Тряпки въ шапку положилъ,
И конька поворотиль.
Вотъ онъ къ братьямъ пріѣзжаетъ
И на спросъ ихъ отвѣчаетъ:
«Какъ туда я доскакалъ,
«Пень горѣлый увидалъ;
«Ужъ надъ нимъ я бился, бился,
«Такъ, что чуть не надсадился;
«Раздувалъ его я съ часть,
«Нѣтъ, вѣдь, чортъ возьми, угасъ!»

Братья цѣлу ночь не спали,
Надъ Иваномъ хохотали;
А Иванъ подъ возъ присѣлъ,
Вплоть до утра прохрапѣлъ.

Тутъ коней они впряженіи,
И въ столицу прїѣзжали,
Становились въ конный рядъ,
Супротивъ большихъ палатъ.

Въ той столицѣ былъ обычай,
Коль не скажетъ городничій, —
Ничего не покупать,
Ничего не продавать.
Вотъ обѣдня наступаетъ;
Городничій выѣзжаетъ
Въ туфляхъ, въ шапкѣ мѣховой,
Съ сотней стражи городской.
Рядомъ єдетъ съ нимъ глашатый,
Длинноусый, бородатый;
Онъ въ злату трубу трубитъ,
Громкимъ голосомъ кричитъ:

«Гости! лавки отпираите,
«Покупайте, продавайте;
«А надсмотрщикамъ сидѣть
«Подлѣ лавокъ и смотрѣть,
«Чтобы не было содому,
«Ни давежа, ни погрому,
«И чтобы никакой уродъ
«Не обманывалъ народъ!»
Гости лавки отпираютъ,
Людъ крещеный закликаютъ:
«Эй, честные господа,
«Къ намъ пожалуйте сюда!
«Какъ у насъ ли тары-бары,
«Всяки разные товары!»
Покупальщики идутъ,
У гостей товаръ берутъ;
Гости денежки считаютъ,
Да надсмотрщикамъ мигаютъ.

Между тѣмъ градской отрядъ
Пріѣзжаетъ въ конный рядъ;

Смотрить—давка отъ народу,
Нѣтъ ни выходу ни входу;
Такъ кишма вотъ и кишать,
И смѣются и кричатъ.

Городничій удивился,
Что народъ развеселился,
И приказъ отряду далъ,
Чтобъ дорогу прочищалъ.
«Эй! вы, черти босоноги!

«Прочь съ дороги! прочь съ дороги!»
Закричали усачи,
И ударили въ бичи.
Тутъ народъ зашевелился,
Шапки снялъ и разступился.

Предъ глазами конный рядъ:
Два коня въ ряду стоять,
Молодые, вороные,
Выются гривы золотыя,
Въ мелки кольцы завитой
Хвостъ струится золотой...

Нашъ старикъ, сколь ни былъ пылокъ,
Долго теръ себѣ затылокъ.

«Чуденъ», молвилъ, «Божій свѣтъ!

«Ужь какихъ чудесъ въ немъ нѣтъ!»

Весь отрядъ тутъ поклонился,

Мудрой рѣчи подивился.

Городничій, между тѣмъ,

Наказалъ престрого всѣмъ,

Чтобъ коней не покупали,

Не зѣвали, не кричали,

Что онъ єдетъ ко двору

Доложить о всемъ Царю.

И, оставивъ часть отряда,

Онъ поѣхалъ для доклада.

Прїѣзжаетъ во дворецъ.

«Ты помилуй, Царь-отецъ!»

Городничій восклицаетъ,

И всѣмъ тѣломъ упадаетъ:

«Не вели меня казнить,

«Прикажи мнъ говорить!»

Царь изволилъ молвить: «Ладно,

«Говори, да только складно.»

—«Какъ умѣю, расскажу.

«Городничимъ я служу:

«Вѣрой-правдой исправляю

«Эту должность....»—«Знаю, знаю!»

—«Вотъ сегодня, взявъ отрядъ,

«Я поѣхалъ въ конный рядъ.

«Пріѣзжаю—тьма народу!

«Ну, ни выходу, ни входу.

«Что тутъ дѣлать?... Приказалъ

«Гнать народъ, чтобъ не мѣшалъ.

«Такъ и сталося, Царь-Надежа!

«И поѣхалъ я,—и что-же?....

«Предо мною конный рядъ:

«Два коня въ ряду стоять,

«Молодые, вороные,

«Вьются гривы золотыя,

«Въ мелки кольцы завитой

«Хвостъ струится золотой,

«И алмазныя копыты
«Крупнымъ жемчугомъ обиты.»

Царь не могъ тутъ усидѣть.
«Надо коней поглядѣть,»
Говорить онъ: «Да не худо
«И завесть такое чудо.
«Гей, повозку мнѣ!»—И вотъ
Ужь повозка у воротъ;
Царь умылся, нарядился,
И на рынокъ покатился.
За Царемъ стрѣльцовъ отрядъ.

Вотъ онъ вѣхалъ въ конный рядъ.
На колѣни всѣ тутъ пали,
И ура! Царю кричали.
Царь раскланялся, и въ мигъ
Молодцомъ съ повозки прыгъ....
Глазъ своихъ съ коней не сводить,
Справа, слѣва къ нимъ заходить,

Словомъ ласковымъ зоветъ,
По спинѣ ихъ тихо бьетъ,
Треплетъ шею ихъ кругую,
Гладитъ гриву золотую,
И, довольно насмотрясь,
Онъ спросилъ, оборотясь
Къ окружавшимъ: «Эй, ребята!
«Чьи такие жеребята?
«Кто хозяинъ?»—Тутъ Иванъ
Руки въ боки, словно панъ,
Изъ-за братьевъ выступаетъ
И, надувшись, отвѣчаетъ:
«Эта пара, Царь, моя,
«И хозяинъ—тоже я.»
—«Ну, я пару покупаю;
«Продаешь ты?»—«Нѣть, мѣняю.»
—«Что въ промѣнѣ берешь добра?»
«Два-пять шапокъ серебра.»
—«То есть, это будетъ десять.»
Царь тотчасъ велѣлъ отвѣсить,
И, по милости своей,

Даль въ прибавокъ пять рублей.
Царь-то былъ великодушный!

Повели коней въ конюшни
Десять конюховъ сѣдыхъ,
Всѣ въ нашивкахъ золотыхъ,
Всѣ съ цвѣтными кушаками,
И съ сафьянными бичами.
Но дорогой, какъ на смѣхъ,
Кони съ ногъ ихъ сбили всѣхъ,
Всѣ уздечки разорвали
И къ Ивану прибѣжали.

Царь отправился назадъ,
Говоритъ ему: «Ну, братъ,
«Пара нашимъ не дается;
«Дѣлать нечего, придется
«Во дворцѣ тебѣ служить;
«Будешь въ золотѣ ходить,
«Въ красно платьѣ наряжаться,
«Словно въ маслѣ сыръ кататься,

«Всю конюшенну мою
«Я въ приказъ тебѣ даю.
«Царско слово въ томъ порука.
«Что согласенъ?»—«Эка штука!
«Во дворцѣ я буду жить,
«Буду въ золотѣ ходить,
«Въ красно платье наряжаться,
«Словно въ маслѣ сыръ кататься,
«Весь конюшенный заводъ
«Царь въ приказъ мнѣ отдаетъ;
«То есть, я изъ огорода
«Стану царскій воевода.
«Чудно дѣло! Такъ и быть,
«Стану, Царь, тебѣ служить.
«Только, чуръ, со мной не драться.
«И давать мнѣ высыпаться,
«А не то—я былъ таковъ!»

Тутъ онъ кликнулъ скакуновъ
И пошелъ вдоль по столицѣ,
Самъ махая рукавицей.

И, подъ пѣсню дурака,
Кони пляшутъ трепака;
А конекъ его—Горбатко
Такъ и ломится въ присядку,
Къ удивленью людямъ всѣмъ.

Два же брата между тѣмъ
Деньги Царски получили,
Въ пояски ихъ позашили,
Постучали ендовой,
И отправились домой.

Дома дружно подѣлились,
Оба въ разъ они женились,
Стали жить, да поживать,
Да Ивана поминать.

Но теперь мы ихъ оставимъ,
Снова сказкой позабавимъ
Православныхъ Христіянъ,
Что надѣлалъ нашъ Иванъ,
Находясь во службѣ царской,

При конюшнѣ государской;
Какъ къ сусѣдкѣ онъ попалъ,
Какъ перо свое проспалъ,
Какъ хитро поймалъ Жарь-птицу,
Какъ похитилъ Царь-дѣвицу,
Какъ онъ Ѣздила за кольцомъ,
Какъ былъ на небѣ посломъ,
Какъ онъ въ солнцевомъ селеньѣ
Киту выпросилъ прощенье;
Какъ къ числу другихъ затѣй,
Спастъ онъ тридцать кораблей;
Какъ въ котлахъ онъ не сварился,
Какъ красавцемъ учинился.
Словомъ: наша рѣчь о томъ,
Какъ онъ сдѣлался Царемъ.

ЧАСТЬ II.

«Скоро сказка сказывается,
А не скоро дѣло дѣлается.»

Зачинается разсказъ
Отъ Ивановыхъ проказъ,
И отъ сивка, и отъ бурка,
И отъ вѣщаго коурка.
Козы на море ушли;
Горы лѣсомъ поросли;
Конь съ златой узды сорвался,
Прямо къ солнцу поднимался;
Лѣсь стоячій подъ ногой,
Сбоку облакъ громовой;
Ходить облакъ и сверкаетъ,
Громъ по небу разсыпаетъ.

Это присказка. Пожди,
Сказка будетъ впереди.
Какъ на морѣ-Окіянѣ,
И на островѣ Буянѣ,
Новый гробъ въ лѣсу стоитъ,
Въ гробѣ дѣвица лежитъ;
Соловей надъ гробомъ свищетъ;
Черный звѣрь въ дубравѣ рыщетъ...
Это присказка, а вотъ—
Сказка чередомъ пойдетъ.

Ну, такъ видѣте-ль, міряне,
Православны Христіяне,
Нашъ удалый молодецъ
Затесался во дворецъ;
При конюшнѣ царской служить,
И нисколько не потужить
Онъ о братьяхъ, объ отцѣ,
Въ государевомъ дворцѣ.
Да и что ему до братьевъ?
У Ивана красныхъ платьевъ,

Красныхъ шапокъ, сапоговъ,
Чуть не десять коробовъ;
Бѣтъ онъ сладко, спить онъ столько,
Что раздолье, да и только!

Вотъ недѣлей черезъ пять,
Началъ Спальникъ примѣчать...
Надо молвить: этотъ Спальникъ
До Ивана былъ начальникъ
Надъ конюшней надъ всей,
Изъ боярскихъ слылъ дѣтей;
Такъ не диво, что онъ злился
На Ивана и божился,
Хоть пропасть, а пришлеца
Потурить вонъ изъ дворца.
Но, лукавство сокрывая,
Онъ для всякаго случая
Притворился, плутъ, глухимъ,
Близорукимъ и пѣмымъ;
Самъ-же думаетъ: «Постой-ка,
«Я те двину, неумойка!»

Такъ недѣлей черезъ пять,
Спальникъ началъ примѣчать,
Что Иванъ коней не холитъ,
И не чиститъ, и не школитъ;
Но при всемъ томъ два коня
Словно лишь изъ-подъ гребня:
Чисто-на-чисто обмыты,
Гривы въ косы перевиты,
Чолки собраны въ пучокъ,
Шерсть—ну, лоснится какъ шолкъ;
Въ стойлахъ—свѣжая пшеница,
Словно тутъ же и родится,
И въ чанахъ большихъ сыта
Будто только налита.

«Что за притча тутъ такая?»
Спальникъ думаетъ, вздыхая:
«Ужь не ходить ли, постой,
«Къ намъ прооказникъ домовой?
«Дай-ка я подкараулю.
«А нешто, такъ я и пулю,
«Не смигнувъ, умѣю слить:

«Лишь бы дурня уходить.
«Донесу я въ думѣ царской,
«Что конюшій государской
«Басурманинъ, ворожей,
«Чернокнижникъ и злодѣй;
«Что онъ съ бѣсомъ хлѣбъ-соль водить,
«Въ церковь Божію не ходить,
«Католицкой держитъ крестъ,
«И постами мясо ѿсть.»

Въ тотъ же вечеръ этотъ Спальникъ,
Прежній конюшихъ начальникъ,
Въ стойлы спрятался тайкомъ,
И обсыпался овсомъ.

Вотъ и полночь наступила,
У него въ груди заныло:
Онъ ни живъ, ни мертвъ лежитъ,
Самъ молитвы все творить,
Ждетъ сусѣдки.... Чу! въ самомъ дѣлѣ,
Двери глухо заскрыпѣли,

Кони топнули, и вотъ
Входитъ старый коноводъ,
Дверь задвижкой запираеть,
Шапку бережно скидаетъ,
На окно ее кладеть,
И изъ шапки той береть
Въ три завернутый тряпицы
Царскій кладъ,—перо Жарь-птицы.
Свѣтъ такой тутъ заблисталъ,
Что чуть Спальникъ не вскричалъ,
И отъ страху такъ забился,
Что овесь съ него свалился.
Но сусѣдѣ не въ домекъ!
Онъ кладеть перо въ сусѣкъ,
Чистить коней начинаеть,
Умываетъ, убираеть,
Гривы длинныя плететь,
Разны пѣсенки поеть.
А межъ тѣмъ, свернувшись клубомъ,
Покалачивая зубомъ,
Смотрить Спальникъ чуть живой

Что тутъ дѣть домовой.

Что за бѣсь! нешто нарочно

Прирядился плутъ полночной;

Нѣть роговъ, ни бороды,

Ражій парень, хоть куды!

Волосъ гладкой, съ боку ленты,

На рубашкѣ позументы,

Сапоги какъ аль сафьянъ,

Ну, точнехонько Иванъ.

Что за диво? Смотрить снова

Нашъ глазѣй на домоваго....

«Э! такъ вотъ что!» наконецъ

Проворчалъ себѣ хитрецъ:

«Ладно, завтра жъ Царь узнаетъ,

«Что твой глупый умъ скрываетъ;

«Подожди лишь только дня,

«Будешь помнить ты меня!»

А Иванъ, совсѣмъ не зная,

Что ему бѣда такая

Угрожаетъ, все плететь

Гравы въ косы, да поеть.

А убравъ ихъ, въ оба чана
Нацѣдилъ сытой медовой,
И насыпалъ до-полнна
Бѣлоярова пшена.

Туть, зѣвнувъ, перо Жарь-птицы
Завернулъ опять въ тряпицы,
Шапку подъ ухо и легъ
У коней близъ заднихъ ногъ.

Только начало зориться,
Спальникъ началъ шевелиться,
И услыша, что Иванъ
Такъ храпитъ какъ Ерусланъ,
Онъ тихонько внизъ слѣзаетъ
И къ Ивану подползаетъ,
Пальцы въ шапку запустилъ,
Хватъ перо—и слѣдъ простыль.

Царь лишь только пробудился
Спальникъ нашъ къ нему явился,
Стукнулъ крѣпко объ полъ лбомъ,

И запѣль Царю потомъ:
«Я съ повинной головою,
Царь, явился предъ тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мнѣ говорить.»
—«Говори, не прибавляя,»
Царь сказалъ ему зѣвая.
«Если жъ ты да будешь врать,
То кнута не миновать».
Спальникъ нашъ, собравшись съ силой,
Говорить Царю: «Помилуй!
Вотъ-те истинный Христосъ
«Справедливъ мой, Царь, донось:
«Нашъ Иванъ, то всякой знаетъ,
«Отъ тебя, отецъ, скрывается,
«Но не золото, не серебро, —
«Жароптицево перо...»
—«Жароптицево?... Проклятый!
«И онъ смѣль такой богатый...
«Погоди же ты злодѣй!
«Не минуешь ты плетей!...»

—«Да и толь еще онъ знаетъ!»
Спальникъ тихо продолжаетъ,
Изогнувшись: «Добро!
«Пусть имѣлъ бы онъ перо;
«Да и самую Жарь-птицу,
«Во твою, отецъ, свѣтлицу,
«Коль приказъ изволишь дать,
«Похвалаляется достать.»
И доносчикъ съ этимъ словомъ
Скрючясь обручемъ таловымъ,
Ко кровати подошелъ,
Подалъ кладъ—и снова въ полъ.

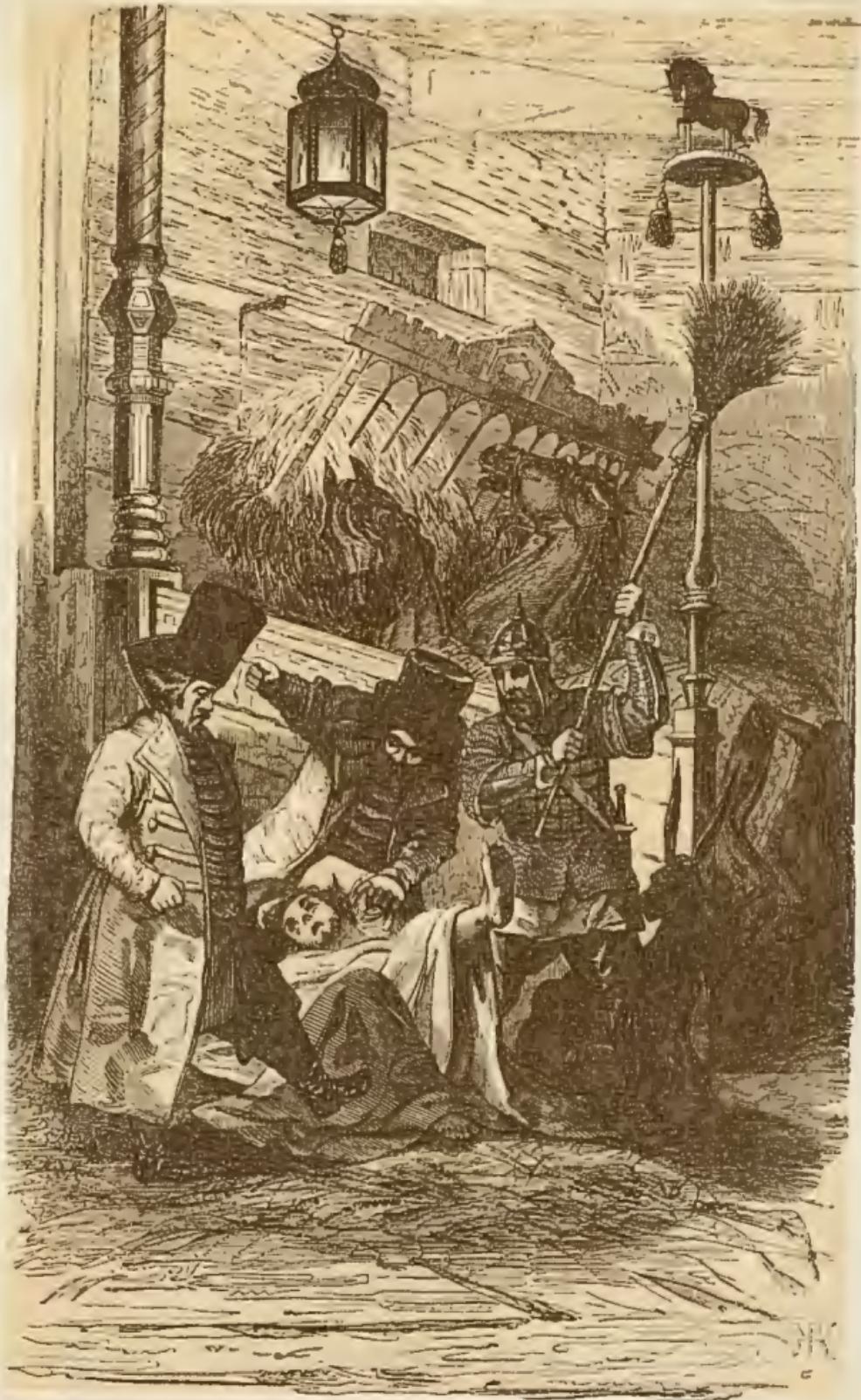
Царь смотрѣлъ и дивовался,
Гладилъ бороду, смѣялся,
И скусилъ пера конецъ.
Тутъ, уклавъ его въ ларецъ,
Закричалъ (отъ нетерпѣнья),
Подтвердивъ свое вѣльье
Быстрымъ взмахомъ кулака:
«Гей! позвать мнѣ дурака!

И посыльные дворяна
Побѣжали по Ивана;
Но, столкнувшись всѣ въ углу,
Растянулись на полу.
Царь тѣмъ много любовался,
И до колотья смеялся.
А дворяна, усмотря,
Что смѣшино то для Царя,
Межъ собой перемигнулись,
И въ другорядь растянулись.
Царь тѣмъ такъ доволенъ былъ,
Что ихъ шапкой наградилъ.
Тутъ посыльные дворяна
Вновь пустились звать Ивана,
И на этотъ уже разъ
Обошлися безъ проказъ.

Вотъ къ конюшнѣ прибѣгаютъ,
Двери настежъ отворяютъ,
И ногами дурака
Ну толкать во всѣ бока.

Съ полчаса надъ нимъ возвлъсь,
Но его не добудились.
Наконецъ ужъ рядовой
Разбудилъ его метлой.

«Что за челядь тутъ такая?»
Говоритъ Иванъ, вставая:
«Какъ хвачу я васъ бичомъ,
«Такъ не станете потомъ
«Безъ пути будить Ивана». —
Говорятъ ему дворяна:
«Царь изволилъ приказать
«Намъ тебя къ нему позвать.»
— «Царь?... Ну ладно! Вотъ сряжуся
«И тотчасъ къ нему явлюся,»
Говоритъ посыамъ Иванъ.
Тутъ надѣль онъ свой кафтанъ,
Опояской подвязался,
Пріумылся, причесался,
Кнуть свой съ боку прицѣшилъ,
Словно утица поплылъ.

Вотъ Иванъ къ Царю явился,
Поклонился, подбодрился,
Крякнулъ дважды и спросилъ:
«А пошто меня будиль?»
Царь, прищурясь глазомъ лѣвымъ,
Закричалъ къ нему со гнѣвомъ,
Приподнявшись: «Молчать!
«Ты мнѣ долженъ отвѣтить—
«Въ силу коего указа
«Скрылъ отъ нашего ты глаза
«Наше царское добро—
«Жароптицево перо?
«Что я—Царь, али бояринъ?
«Отвѣтай сейчасъ, татаринъ!»
Тутъ Иванъ, махнувъ рукой,
Говорить Царю: «Постой!
«Я те шапки ровно не далъ,
«Какъ же ты о томъ провѣдалъ?
«Что ты—ажно ты пророкъ?
«Ну, да что, сади въ острогъ,
«Прикажи сейчасъ хоть въ палки, —

«Нѣтъ пера, да и шабалки.»

—«Отвѣчай же! запорю!...»

«Я те толкомъ говорю:

«Нѣтъ пера! Да, слышь, откуда

«Мнѣ достать такое чудо?»

Царь съ кровати тутъ вскочилъ

И ларецъ съ перомъ открылъ.

«Что? Ты смѣль еще переться?

«Да ужъ нѣтъ, не отвертѣться!

«Это что? А?»—Тутъ Иванъ,

Задрожавъ какъ листъ въ буранъ,

Шапку выронилъ съ испуга.

«Что пріятель, видно тухо?»

Молвилъ Царь: «Постой-ка братъ!...»

—«Охъ, помилуй, виноватъ!

«Отпусти вину Ивану,

«Я впередъ ужъ вратъ не стану».

И, закутавшись въ полу,

Растянулся на полу.

—«Ну, для первого слушаю,

«Я вину тебѣ прощаю.»

Царь Ивану говорить:

«Я, помилуй Богъ, сердитъ!

«И съ сердцовъ иной порою

«Чубъ сниму и съ головою.

«Такъ, вотъ, видишь, я каковъ!

«Но сказать безъ дальнихъ словъ,

«Я узналъ, что ты Жарь-птицу

«Въ нашу царскую свѣтлицу,

«Если бъ вздумалъ приказать,

«Похваляешься достать.

«Ну, смотри жъ, не отпирайся,

«И достать ее старайся.»

Тутъ Иванъ волчкомъ вскочилъ.

«Я того не говорилъ!»

Закричалъ онъ, утираясь:

«О перѣ не запираюсь,

«Но о птицѣ, какъ ты хошь,

«Ты напраслину ведешь.»

Царь, затрясши бородою—

«Что рядиться мнѣ съ тобою!»

Закричалъ онъ: «Но смотри,

«Если ты недѣли въ три
«Не достанешь мнѣ Жаръ-птицу
«Въ нашу царскую свѣтлицу,
«То, клянуся бородой!
«Ты поплатишься со мной:
«На правежъ—въ рѣшетку—на колъ!
«Вонъ, холопъ!»—Иванъ заплакалъ
И пошелъ на сѣноваль,
Гдѣ конекъ его лежалъ.

Горбунокъ, его почуя,
Дрягнуль было плясовую;
Но какъ слезы увидалъ,
Самъ чуть-чуть не зарыдалъ.
«Что, Иванушка, не весель?»
«Что головушку повѣсиль?»
Говориль ему конекъ,
У его вертаяся ногъ.
«Не утайся предо мною,
«Все скажи, что за душою,
«Я помочь тебѣ готовъ.

«Аль, мой милый, нездоровъ?»

«Аль попался къ лиходѣю?»

Палъ Иванъ къ коньку на шею,
Обнималъ и цѣловалъ.

«Охъ, бѣда, конекъ!» сказалъ:

«Царь велить достать Жаръ-птицу
«Въ государскую свѣтлицу.

«Что мнѣ дѣлать, горбунокъ?»

Говорить ему конекъ:

«Велика бѣда, не спорю;

«Но могу помочь я горю.

«Отъ того бѣда твой,

«Что не слушался меня.

«Помнишь, ѿхавъ въ градъ-столицу,

«Ты нашелъ перо Жаръ-птицы;

«Я сказалъ тебѣ тогда:

«Не бери, Иванъ, — бѣда!

«Много, много непокою

«Принесетъ оно съ собою.

«Вотъ теперь ты узналъ —

«Правду ль я тебѣ сказалъ.

«Но сказать тебѣ по дружбѣ,
«Это службишка, не служба;
«Служба все, братъ, впереди.
«Ты къ Царю теперь поди
«И скажи ему открыто:
— «Надо, Царь, мнѣ два корыта
«Бѣлоярова пшена,
«Да заморскаго вина;
«Да вели поторопиться:
«Завтра только зазорится,
«Мы отправимся въ походъ.»

Вотъ Иванъ къ Царю идетъ,
Говорить ему открыто:
«Надо, Царь, мнѣ два корыта
«Бѣлоярова пшёна,
«Да заморскаго вина.
«Да вели поторопиться:
«Завтра только зазорится,
«Мы отправимся въ походъ.»
Царь тотчасъ приказъ даетъ,

Чтобъ посыльные дворяна
Все сыскали для Ивана,
Молодцомъ его назвалъ
И—«счастливый путь!» сказалъ.

На другой день, утромъ рано,
Разбудилъ конекъ Ивана.
«Гей! хозяинъ! полно спать!
«Время дѣло исправлять!»
Вотъ Иванушка поднялся,
Въ путь-дорожку собирался,
Взялъ корыта и пшено
И заморское вино;
Потеплѣе пріодѣлся,
На конькѣ своемъ усѣлся,
Вынулъ хлѣба ломотокъ,
И поѣхалъ на Востокъ —
Доставать тою Жаръ-птицу.

Ѣдуть цѣлую седьмицу.
Напослѣдокъ, въ день осмой,

Пріѣзжаютъ въ лѣсъ густой.
Тутъ сказалъ конекъ Ивану:
«Ты увидишь здѣсь поляну;
«На полянѣ той гора
«Вся изъ чистаго сребра;
«Вотъ сюда-то до зарницы
«Прилетаютъ Жары-птицы
«Изъ ручья воды испить;
«Тутъ и будемъ ихъ ловить.»
И, окончивъ рѣчь къ Ивану,
Выбѣгаешь на поляну.
Что за поле! зелень тутъ
Словно камень-изумрудъ,
Вѣтерокъ падъ нею вѣтъ,
Такъ вотъ искорки и сѣтъ;
А по зелени цвѣты
Несказанной красоты.
А на той ли на полянѣ,
Словно валъ на океанѣ,
Возвышается гора
Вся изъ чистаго сребра.

Солнце лѣтними лучами
Краситъ всю ее зарями,
Въ згибахъ золотомъ бѣжитъ,
На верхахъ свѣчой горитъ.

Вотъ конекъ по косогору
Поднялся на эту гору,
Версту, другую пробѣжалъ,
Устоялся и сказалъ:
«Скоро ночь, Иванъ, начнется,
«И тебѣ стеречь придется.
«Ну, въ корыто лей вино,
«И съ виномъ мѣшай пшено.
«А чтобы быть тебѣ закрыту,
«Ты подъ то подлѣзъ корыто,
«Втихомолку примѣчай;
«Да смотри же, пе зѣвай.
«До восхода, слышь, зарницы
«Прилетятъ сюда Жаръ-птицы
«И начнутъ пшено клевать,
«Да по-своему кричать.

«Ту, которая поближе,
«И схвати ее, смотри же!
«А поймаешь Птицу-жаръ,
«И кричи на весь базаръ;
«Я тотчасъ къ тебѣ явлюся »
—«Ну, а если обожгуся?»

Говорить коньку Иванъ,
Разстилая свой кафтанъ.

«Рукавички взять придется;
«Чай, плутовка больно жгется.»
Тутъ конекъ изъ глазъ изчезъ,
А Иванъ, крехтя, подлѣзъ
Подъ дубовое корыто,
И лежитъ тамъ, какъ убитый.

Вотъ полночию порой
Свѣтъ разлился надъ горой,—
Будто полдни наступаютъ:
Жары-птицы налетаютъ;
Стали бѣгать и кричать,
И пшено съ виномъ клевать.

Нашъ Иванъ, отъ нихъ закрытой,
Смотритъ птицъ изъ-подъ корыта,
И толкуетъ самъ съ собой,
Разводя вотъ какъ рукой:
«Тьфу ты, дьявольская сила!
«Экъ ихъ—дряни привалило!
«Чай, ихъ тутъ десятковъ съ пять.
«Кабы всѣхъ переимать,—
«То-то было бы поживы!
«Неча молвить, страхъ красивы.
«Ножки красныя у всѣхъ;
«А хвосты-то—сущій смѣхъ!
«Чай, такихъ у курицъ нѣту;
«А ужъ сколько, парень, свѣту,
«Словно батюшкина печь!»
И, скончавъ такую рѣчь,
Самъ съ собою подъ лазейкой,
Нашъ Иванъ ужомъ, да змѣйкой,
Ко пшену съ виномъ подползъ,—
Хватъ одну изъ птицъ за хвостъ.
«Ой! конечикъ-горбуночикъ!

«Прибѣгай скорѣй, дружочикъ!
«Я вѣдь птицу-то поймалъ.»
Такъ Иванъ-дуракъ кричалъ.
Горбунокъ тотчасъ явился.
«Ай, хозяинъ, отличился!»
Говорить ему ковекъ:
«Ну, скорѣй ее въ мѣшокъ!
«Да завязывай тужѣе;
«А мѣшокъ привѣсь на шею,
«Надо намъ въ обратный путь.
— «Нѣтъ, дай птицъ-то мнѣ пугнуть!»
Говорить Иванъ: «Смотри-ка,
«Виши, надсѣлися отъ крика!»
И, схвативши свой мѣшокъ,
Хлещетъ вдоль и поперегъ.
Яркимъ пламенемъ сверкая,
Встрепенулася вся стая,
Кругомъ огненнымъ свилась
И за тучи понеслась.
А Иванъ нашъ въ слѣдъ за ними
Рукавицами своими

Такъ и машеть и кричитъ,
Словно щелокомъ облитъ.
Птицы въ тучахъ потерялись;
Наши путники собрались,
Уложили царскій кладъ,
И вѣрнулися назадъ.

Вотъ пріѣхали въ столицу.
«Что, досталъ ли ты Жарь-птицу?»
Царь Ивану говоритъ,
Самъ на Спальника глядитъ.
А ужъ тотъ, нешто отъ скуки,
Искусаль себѣ всѣ руки.
«Разумѣется, досталъ»,
Нашъ Иванъ Царю сказалъ. —
«Гдѣ жъ она?» — «Постой немножко,
«Прикажи сперва окошко
«Въ почивальнѣ затворить,
«Знашь, чтобъ темень сотворить.»
Тутъ дворяна побѣжали,
И окошко затворяли.

Вотъ Иванъ мѣшокъ на столъ.

«Ну-ка, бабушка, пошелъ!»

Свѣтъ такой тутъ вдругъ разлился,

Что весь людъ рукой закрылся,

Царь кричить на весь базаръ:

«Ахти, батюшки, пожаръ!

«Эй, рѣшоточныхъ сзывайте!

«Заливайте! заливайте!»

— «Это, слышь ты, не пожаръ,

«Это свѣтъ отъ Птицы-жаръ»

Молвилъ ловчій, (самъ со смѣху

Надрываясь): «Потѣху

«Я привезъ те, Осударь!» —

Говорить Ивану Царь:

«Вотъ, люблю дружка-Ванюшу!

«Взвеселилъ мою ты душу,

«И на радости такой —

«Будь же царской Стремянной!»

Это видя, хитрый Спальникъ,
Прежній конюшихъ начальникъ,

Говорить себѣ подъ нось:
«Нѣтъ постой, молокосось!»
«Не всегда тебѣ случится
«Такъ канальски отличиться.
«Я те снова подведу,
«Мой дружочекъ, подъ бѣду!»

Черезъ три потомъ недѣли,
Вечеркомъ однимъ сидѣли
Въ царской кухнѣ повара
И служители Двора;
Попивали мѣдъ изъ жбана,
Да читали Еруслана.
«Эхъ!» одинъ слуга сказалъ,
«Какъ севодни я досталъ
«Отъ сосѣда чудо книжку!
«Въ ней страницъ не такъ, чтобы слишкомъ,
«Да и сказокъ только пять;
«А ужъ сказки, вамъ сказать,
«Такъ не можно надивиться;
«Надо жъ эдакъ умудриться!»

Тутъ всѣ въ голосъ: «Удружи!
«Разскажи, братъ, разскажи!» —
— «Ну, какую жъ вы хтите?
«Пять вѣдь сказокъ; вотъ смотрите:
«Перва сказка о Бобрѣ;
«А вторая о Царѣ;
«Третья.... дай Богъ память.... точно
«О Боярынѣ восточной;
«Вотъ въ четвертой Князь Бобыль;
«Въ пятой.... въ пятой.... эхъ, забылъ.
«Въ пятой сказкѣ говорится...
«Такъ въ умѣ вотъ и вертится...»
— «Ну, да брось ее!» — «Постой!...
«О красоткѣ что ль какой?»
— «Точно! Въ пятой говорится
«О прекрасной Царь-дѣвицѣ.
«Ну, которую жъ, друзья,
«Разскажу сегодня я?»
— «Царь-дѣвицу!» всѣ кричали;
«О царяхъ мы ужъ слыхали,
«Намъ красотокъ-то скорбѣ!

«Ихъ и слушать веселѣй.»—

И слуга, усѣвшись важно,

«Сталь разсказывать протяжно:

«У далекихъ Нѣмскихъ странъ

«Есть, ребята, Окіанъ.

«По тому ли Окіану

«Бздятъ только Басурманы;

«Съ православной же земли

«Не бывали николи,

«Ни дворяне, ни міряне

«На поганомъ Окіанѣ

«Отъ гостей же слухъ идетъ,

«Что дѣвица тамъ живеть;

«Но дѣвица не простая,

«Дочь, вишь, мѣсяцу родная,

«Да и солнышко ей братъ.

«Та дѣвица, говорять,

«Бздитъ въ красномъ полушибкѣ,

«Въ золотой, ребята, шлюпкѣ,

«И серебрянымъ весломъ

«Похвалялся ты для насъ

«Отыскать другую птицу;

«Сирѣчь, молвить, Царь дѣвицу...»

— «Что ты, что ты, Бѣгъ съ тобой!»

Началь царской Стремянной.

«Чай съ просонковъ, я толкую,

«Шутку выкинулъ такую?

«Да хитри себѣ какъ хошь,

«А меня не проведешь.»

Царь, затрясши бородою,—

«Что, рядиться маѣ съ тобою?

Закричалъ ояъ: «Но смотри,

«Если ты недѣли въ три

«Не достанешь Царь-дѣвицу

«Въ нашу царскую свѣтлицу,

«То, клянуся бородой,

«Ты поплатишься со мной:

«На правожь, — въ рѣшетку, — на коль!

«Вонъ холопъ!» — Иванъ заплакалъ,

И пошелъ на сѣноваль,

Гдѣ конекъ его лежалъ.

«Что Иванушка, не весель
«Что головушку повѣсишь?...»

Говорить ему конекъ:

«Аль, мой милый занемогъ?

«Аль попался къ лиходѣю?»

Палъ Иванъ къ коньку на шею,
Обнималъ и цѣловалъ.

«Охъ бѣда, конекъ!» сказалъ:

«Царь велитъ въ свою свѣтлицу,

«Мнѣ достать, слышь, Царь дѣвицу.

«Что мнѣ дѣлать, Горбунокъ?»

Говорить ему конекъ:

«Велика бѣда, не спорю;

«Но могу помочь я горю..

«Отъ того бѣда твоя,

«Что не слушался меня.

«Но сказать тебѣ по дружбѣ,

«Это службишка, пе служба;

«Служба все, братъ, впереди!

«Ты къ Царю теперь поди,

«И скажи:—Вѣдь для поимки,

«Надо, Царь, мнѣ двѣ ширишки,
Шитый золотомъ шатерь,
Да обѣденный приборъ —
Весь заморскаго варенья,
И сластей для прохлажденья.»

Вотъ Иванъ къ Царю идетъ
И такую рѣчь ведетъ:
«Для царевниной поимки
«Надо, Царь, мнѣ двѣ ширишки,
Шитый золотомъ шатерь,
Да обѣденный приборъ —
Весь заморскаго варенья,
И сластей для прохлажденья.»
— «Вотъ давно бы такъ, чѣмъ нѣть,»
Царь съ кровати далъ отвѣтъ,
И велѣлъ, чтобы дворяна
Все сыскали для Ивана,
Молодцомъ его назвалъ,
— И «счастливый путь!» сказалъ.

На другой день, утромъ рано,
Разбудилъ конекъ Ивана:
«Гей, хозяинъ! полно спать!
«Время дѣло исправлять!»
Вотъ Иванушка поднялся,
Въ путь-дорожку собирался,
Взялъ ширишки и шатерь,
Да обѣденный приборъ —
Весь заморского варенья,
И сластей для прохладенья;
Все въ мѣшокъ дорожный склали,
И веревкой завязалъ.
Потеплѣе пріодѣлся,
На конькѣ своеемъ усѣлся;
Вынулъ хлѣба ломотокъ,
И побѣжалъ на востокъ,
По тою-ли Царь-дѣвицу.

Ѣдутъ цѣлую седьмицу.
Напослѣдокъ, въ день осмой,
Прѣѣзжаютъ въ лѣсъ густой.

Тутъ сказалъ конекъ Ивану:
«Вотъ дорога къ Окіану,
«И на немъ-то круглый годъ
«Та красавица живеть;
«Два раза она лишь сходитъ
«Съ Окіана, я приводить
«Долгій день на землю къ намъ.
«Вотъ увидишь завтра самъ.»

И, окончивъ рѣчь къ Ивану,
Выбѣгаеть къ Окіану,
На которомъ бѣлый валъ
Одинешенекъ гуляль.

Тутъ Иванъ съ конька слѣзаетъ,
А конекъ ему вѣщаетъ:
«Ну, раскидывай шатерь,
«На ширинку ставь приборъ
«Изъ заморскаго варенья
«И сластей для прохлажденья.
«Самъ ложися за шатромъ,
«Да смекай себѣ умомъ.
«Видишь, шлюпка воинъ мелькаетъ...»

«То Царевна подплывает.
«Пусть въ шатеръ она войдетъ,
«Пусть покушаетъ, попьетъ;
«Вотъ какъ въ гусли заиграетъ, —
«Знай, ужъ время наступаетъ:
«Ты тотчасъ въ шатеръ вбѣгай,
«Ту Царевну сохватай,
«И держи ее сильнѣе,
«Да зови меня скорѣе.
«Я на первый твой приказъ
«Прибѣгу къ тебѣ какъ разъ;
«И поѣдемъ.... Да смотри же,
«Ты гляди за ней поближе.
«Если жъ ты ее проспишь,
«Такъ бѣды не избѣжишь.»
Тутъ конекъ изъ глазъ скрылся,
За шатеръ Иванъ забился,
И давай дыру вертѣть,
Чтобъ Царевну подсмотрѣть.

Ясный полдень наступаетъ;

Царь-дѣвица подплываетъ,
Входитъ съ гусями въ шатерь
И садится за приборъ.
Хмъ! такъ вотъ та Царь-дѣвица!
«Какъ же въ сказкахъ говорится,»
Разсуждаетъ Стремянной:
«Что куда красна собой
«Царь дѣвица, такъ, что диво!
«Эта вовсе не красива:
«И блѣдна-то и тонка,
«Чай, въ обхватъ-то три вершка;
«А ножонка-то, ножонка!
«Тьфу ты! словно у цыпленка!
«Пусть полюбится кому,
«Я и даромъ не возьму.»
Туть Царевна заиграла,
И столь сладко припѣвала,
Что Иванъ, не зная какъ,
Прикорнулся на кулакъ;
И подъ голосъ тихій, стройный,
Засыпаетъ преспокойно.

Западъ тихо догоралъ.
Вдругъ конекъ подъ нимъ заржалъ,
И, толкнувъ его копытомъ,
Крикнулъ голосомъ сердитымъ:
«Спи, любезный, до звѣзды!
«Высыпай себѣ бѣды!
«Не меня вѣдь вздернуть на коль!»
Тутъ Иванушка заплакалъ
И, рыдаючи, просилъ,
Чтобъ конекъ его простилъ:
«Отпусти вину Ивану,
«Я впередъ ужъ спать не стану.»
— «Ну, ужъ Богъ тебя простить!»
Горбунокъ ему кричитъ:
«Все поправимъ, можетъ статься,
«Только чуръ не засыпаться;
«Завтра, рано по утру,
«Къ златошвейному шатру
«Приплыветъ опять Дѣвица —
«Меду сладкаго напиться.
«Если жъ снова ты заснешь,

«Головы ужъ не снесешь.»
Тутъ конекъ опять скрылся;
А Иванъ сбирать пустился
Острыхъ камней и гвоздей
Отъ разбитыхъ кораблей,
Для того, чтобы уколоться,
Если вновь ему вздремнется.

На другой день, по утру,
Къ златошвейному шатру
Царь-дѣвица подплываетъ,
Шлюпку на берегъ бросаетъ,
Входить съ гусями въ шатель
И садится за приборъ...
Вотъ Царевна заиграла,
И столь сладко припѣвала,
Что Иванушкѣ опять
Захотѣлося поспать.
«Нѣть, постой же ты, дрянная!»
Говорить Иванъ, вставая:
«Ты вдругорядь не уйдешь,

«И меня не проведешь.»

Тутъ въ шатерь Иванъ вбѣгаетъ,
Косу длинную хватаетъ...

«Ой, бѣги, конекъ, бѣги!

«Горбунокъ мой, помоги!»

Вмигъ конекъ къ нему явился:

«Ай, хозяинъ отлился!»

«Ну садись же поскорѣй.

«Да держи ее плотнѣй!»

Вотъ столицы достигаетъ.

Царь къ Царевиѣ выбѣгаетъ,

За бѣлы руки беретъ,

Во дворецъ ее ведетъ,

И садить за ~~столъ~~ дубовой

И подъ занавѣсь шелковой;

Въ глазки съ нѣжностью глядить,

Сладки рѣчи говоритьъ:

«Безподобная Дѣвица!

«Согласися быть Царица.

«Я тебя едва узрѣль,

«Сильной страстью воскипѣль.

«Соколины твои очи

«Не дадутъ мнѣ спать средь ночи,

«И во время бѣла дня,

«Охъ! измучаютъ меня.

«Молви ласковое слово!

«Все для свадьбы ужъ готово;

«Завтра жъ утромъ, свѣтикъ мой,

«Обвѣнчаемся съ тобой

«И начнемъ жить припѣвая.»

А Царевна молодая,

Ничего не говоря,

Отвернулась отъ Царя.

Царь нисколько не сердился,

Но сильнѣй еще влюбился.

На колѣно передъ нею сталъ,

Ручки нѣжно пожималъ

И балясы началъ снова:

«Молви ласковое слово!

«Чѣмъ тебя я огорчилъ?

«Али тѣмъ, что полюбиль?»—

«О, судьба моя плачевна!»

Говорить ему Царевна:

«Если хочешь взять меня,

«То доставь ты мнъ въ три дня

«Перстень мой изъ Окіана.»

— «Гей! позвать ко мнъ Ивана!»

Царь поспѣшио закричалъ,

И чуть самъ не побѣжалъ.

Вотъ Иванъ къ Царю явился.

Царь къ нему оборотился

И сказалъ ему: «Иванъ!

«Поѣзжай на Окіанъ;

«Въ Окіапъ томъ хранится

«Перстень, слышь ты, Царь-дѣвицы.

«Коль достанешь мнъ его,

«Задарю тебя всего.»

— «Я и съ первой-то дороги

«Волочу на силу ноги;

»Ты опять на Окіанъ!»

Говорить Царю Иванъ.

«Какъ же, плутъ, не торопиться:
«Видишь я хочу жениться!»
Царь со гнѣвомъ закричалъ,
И ногами застучалъ:
«У меня не отпрайся,
«А скорѣе отправляйся!»
Тутъ Иванъ хотѣлъ идти.
«Эй послушай! по пути,»
Говорить ему Царевна:
«Заѣзжай ты поклониться
«Въ изумрудный теремъ мой;
«Да скажи моей родной:
«Дочь ся узнать желаетъ,
«Для чего она скрываетъ
«По три ночи, по три дня
«Ликъ свой ясный отъ меня?
«И зачѣмъ мой братецъ красный
«Завернулся въ мракъ ненастный,
«И въ туманной вышинѣ
«Не пошлетъ луча ко мнѣ?
«Не забудь же!»—«Помнить буду,

«Если только не забуду;
«Да вѣдь надо же узнать—
«Кто те братецъ, кто те мать,
«Чтобъ въ роднѣ-то намъ не сбиться.»

Говорить ему Царевна:

«Мѣсяцъ—мать мнѣ, солнце—брать.»

—«Да смотри, въ три дня назадъ!»

Царь-женихъ къ тому прибазилъ.

Тутъ Иванъ Царя оставилъ,

И пошелъ на сѣновалъ,

Гдѣ конекъ его лежалъ.

«Что, Иванушка, не весель.

«Что головушку повѣсили?»

Говорить ему конекъ.—

«Помоги мнѣ, Горбунокъ!»

«Видишь, вздумалъ Царь жениться,

«Зпашь, на тошенькой Царевиѣ,

«Такъ и шлетъ на Окіанъ,»

Говорить коньку Иванъ:

«Даль мнѣ сроку три дня только

« Туть попробовать изволь-ка

« Перстень дьявольский достать!

« Да велѣла заѣзжать

« Эта тонкая Царевна

« Гдѣ-то въ теремъ поклониться

« Солнцу, мѣсяцу, притомъ

« И спрошать кое обѣ чѣмъ...» —

Туть конекъ: « Сказать по дружбѣ,

« Это службишка не служба;

« Служба все, братъ впереди.

« Ты теперь спать поди;

« А на завтра, утромъ рано,

« Мы пойдемъ къ Окіану.»

На другой день нашъ Иванъ,

Взявъ три луковки въ карманъ,

Потеплѣе пріодѣлся,

На конькѣ своемъ усѣлся,

И поѣхалъ въ дальний путь....

Дайте, братцы, отдохнуть!

ЧАСТЬ III.

«Доселёва Макаръ огороды копаъ,
А нынѣче Макаръ въ воеводы попаъ.»

Та-ра-ра-ли, та-ра-ра!
Вышли кони со двора;
Вотъ крестьяне ихъ поймали,
Да покрѣпче привязали.—
Сидитъ воронъ на дубу,
Онъ играетъ во трубу;
Какъ во трубушку играетъ,
Православныхъ потѣшаетъ:
«Эй! послушай, людъ честной!
«Жили-были мужъ съ женой;
«Мужъ-то примется за шутки,

«А жена за прибаутки,
«И пойдетъ у нихъ тутъ пиръ,
«Что на весь крещеный міръ!»
Это присказка ведется,
Сказка послѣе начнется.
Какъ у нашихъ у воротъ
Муха пѣсеньку поетъ:
«Что дадите мнѣ за вѣстку?
«Бѣть свекровь свою невѣстку:
«Посадила на шестокъ,
«Привязала за шнурокъ,
«Ручки къ ножкамъ притянула,
«Ножку правую разула.
«Не ходи ты по зарямъ!
«Не кажися молодцамъ!»
Эта присказка велася,
Вотъ и сказка началася.

Ну-съ, такъ ёдетъ нашъ Иванъ
За кольцомъ на Окіанъ.
Горбунокъ летитъ, какъ вѣтеръ,

И въ починъ на первый вечеръ
Верстъ сто тысячъ отмахалъ,
И нигдѣ не отдыхалъ.

Подъѣзжая къ Окіану,
Говорить конекъ Ивану:
«Ну Иванушка, смотри,
«Вотъ минутки черезъ три
«Мы пріѣдемъ на поляну—
«Прямо къ морю-Окіану;
«Поперегъ его лежитъ
«Чудо-юдо рыба-китъ;
«Десять лѣтъ ужъ онъ страдаетъ,
«А доселева не знаетъ,
«Чѣмъ прощенье получить.
«Онъ учнетъ тебя просить.
«Чтобъ ты въ солнцевомъ селеньѣ
«Попросилъ ему прощенье;
«Ты исполнить обѣщай,
«Да, смотри жъ, не забывай!»

Вотъ въѣзжаетъ на поляну
Прямо къ Морю-Окіану;
Поперегъ его лежитъ
Чудо-юдо рыба-китъ.
Всѣ бока его изрыты,
Честоколы въ ребра вбиты,
На хвостѣ сырь-борь шумятъ,
На спинѣ село стоитъ:
Мужички на губѣ пашутъ,
Между глазъ мальчишки пляшутъ,
А въ дубравѣ, межъ усовъ,
Ищутъ дѣвушки грибовъ.

Вотъ конекъ бѣжитъ по киту,
По костямъ стучить копытомъ.
Чудо-юдо рыба-китъ
Такъ проѣзжимъ говорить,
Ротъ широкой отворяя,
Тяжко, горько вздыхая:
«Путь-дорога, господа!
«Вы откуда и куда?»

— «Мы послы отъ Царь-дѣвицы,
«Бдемъ оба изъ столицы,»
Говорить киту конекъ,
«Къ солнцу прямо на Востокъ,
«Во хоромы золотые.»

— «Такъ нельзя ль отцы, родные,
«Вамъ у Солнышка спросить:

«Долго ль мнѣ въ опалѣ быть,
«И за кой прегрѣшенья
«Я терплю бѣды мученья?»

— «Ладно, ладно рыба-китъ!»

Нашъ Иванъ ему кричитъ.—

«Будь отецъ мнѣ милосердный!

«Виши какъ мучуся я—бѣдный!

«Десять лѣтъ ужъ тутъ лежу....

«Я и самъ те услужу!...»

Китъ Ивана умоляетъ,

Самъ же горько вздыхаетъ.—

«Ладно, ладно, рыба-китъ!»

Нашъ Иванъ ему кричитъ.

Тутъ конекъ подъ нимъ забился,

Прыгъ на берегъ, и пустился;
Только видно, какъ песокъ
Вьется вихоремъ у ногъ.

Бдуть близко ли, далеко,
Бдуть низко ли, высоко
И увидѣли ль кого—
Я незнаю ничего.

Скоро сказка говорится,
Дѣло мѣшкотно творится.
Только, братцы, я узналъ,
Что конекъ туда вбѣжалъ,
Гдѣ (я слышалъ стороною)
Небо сходится съ землею,
Гдѣ крестьянки ленъ прядутъ,
Прялки на небо кладутъ.

Тутъ Иванъ съ землей простился,
И на небѣ очутился,
И поѣхалъ, будто князъ,
Шапка на бокъ, подборясь.
«Эко диво! эко диво!

«Наше царство хоть красиво»,
Говорить коньку Иванъ
Средъ лазоревыхъ полянъ:
«А какъ съ небомъ-то сравнится,
«Такъ подъ стельку не годится.
«Что земля-то!... вѣдь она
«И черна-то и грязна;
«Здѣсь земля-то голубая,
«А ужь свѣтлая какая!...
«Посмотри-ка, Горбунокъ,
«Видишь, вонъ-гдѣ, на Востокъ,
«Словно свѣтится зарница...
«Чай, небесная свѣтлица...
«Что-тоально высока?»
Такъ спросилъ Иванъ конька.
— «Это теремъ Царь-дѣвицы,
«Нашей будущей Царицы!»
Горбунокъ ему кричитъ:
«По ночамъ здѣсь солнце спитъ,
«А полуденной порою
«Мѣсяцъ входитъ для покою.»

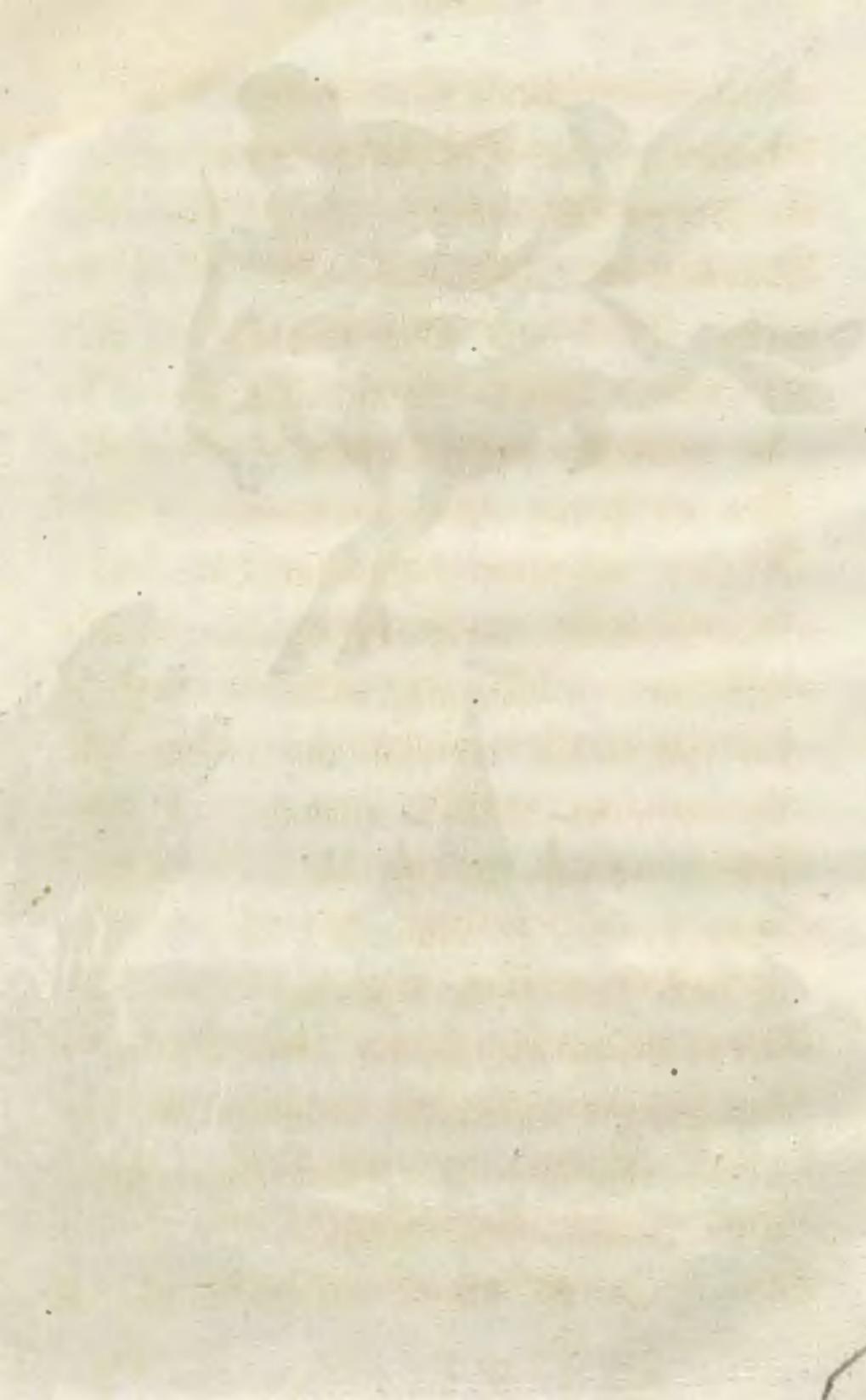
Подъѣзжаютъ; у борть
Изъ столбовъ хрустальный сводъ;
Всѣ столбы тѣ завитые
Хитро въ змѣйки золотыя;
На верхушкахъ три звѣзды,
Вокругъ терема сады;
На серебряныхъ тамъ вѣткахъ,
Въ раззолоченныхъ во клѣткахъ
Птицы райскія живутъ,
Шѣсни царскія поютъ.
А вѣдь теремъ съ теремами, -
Будто городъ съ деревнями;
А на теремѣ изъ звѣздъ —
Православный Русскій крестъ.

Вотъ конекъ во дворъ вѣзжаетъ;
Нашъ Иванъ съ него слѣзаѣтъ,
Въ теремъ къ Мѣсяцу идетъ
И такую рѣчъ ведетъ:
«Здравствуй, Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ!
«— Я Иванушка Петровичъ,

«Изъ далекихъ я сторонъ
«И привезъ тебѣ поклонъ.»
—«Сядь, Иванушка Петровичъ!»
Молвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ;
«И повѣдай мнѣ вину
«Въ нашу свѣтлую страну .
«Твоего съ земли прихода;
«Изъ какого ты народа,
«Какъ попалъ ты въ этотъ край?,—
«Все скажи мнѣ, не утай.»
—«Я съ земли пришелъ Землянской
«Изъ страны вѣдь Христіанской,»
Говорить, садясь Иванъ:
«Переѣхалъ Окіанъ
«Съ порученьемъ отъ Царевны —
«Въ свѣтлый теремъ поклониться,
«И сказать вотъ такъ, постой!
«Ты скажи моей родной:
«Дочь ея узнать желаетъ,
«Для чего она скрываетъ
«По три ночи, по три дня,

«Ликъ какой-то отъ меня;
«И зачѣмъ мой братецъ красный
«Завернулся въ мракъ ненастный,
«И въ туманной вышинѣ
«Не пошлетъ луча ко мнѣ?
«Такъ, кажется?—Мастерица
«Говорить красно Царевна;
«Не припомнить все сполна,
«Что сказала мнѣ она.»
—«А какая то Царевна?»—
«Это, знаешь, Царь-дѣвица.»
—«Царь-дѣвица?... Такъ она
«Что ль тобой увезена?»
Вскрикнулъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ.
А Иванушка Петровичъ
Говорить: «Извѣстно, мнѣ!
«Виши, я царской Стремянной,
«Ну, такъ Царь меня отправилъ,
«Чтобы я ее доставилъ
«Въ три ведѣли во дворецъ;
«А не то, меня, отецъ,

«Посадить грозился на колъ.»

Мѣсяцъ съ радости заплакалъ,

Ну Ивана обнимать,

Цѣловать и миловать.

«Ахъ, Иванушка Петровичъ!»

Молвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ:

«Ты принесъ такую вѣсть,

«Что не знаю чѣмъ и счасть!

«А ужъ мы какъ горевали,

«Что Царевну потеряли!...

«Отъ того-то видишь, я

«По три ночи, по три дня

«Въ темномъ облакѣ ходила,

«Все грустила, да грустила,

«Тroe сутокъ не спала,

«Крошки хлѣба не брала,

«Отъ того-тъ сынъ мой красный

«Завернулся въ мракъ невастный,

«Лучь свой жаркій погасиль,

«Миру Божью не свѣтиль:

«Все грустиль, вишь, по сестрицѣ,

«Той ли красной Царь-дѣвицѣ.

«Что, здорова ли она?

«Не грустна ли, не больна?»

— «Всѣмъ бы, кажется, красотка,

«Да у пей, кажется, сухотка:

«Ну, какъ спичка, слышь, тонка,

«Чай въ обхватъ-то три вершка;

«Вотъ какъ замужъ-то поспѣть,

«Такъ небось и потолстѣть;

«Царь, слышь, женится на ней.»

Мѣсяцъ вскрикнулъ: «Ахъ, злодѣй!

«Вздумалъ въ семьдесятъ жениться

«На молоденькой дѣвицѣ!

«Да стою я крѣпко въ томъ,

«Просидитъ онъ женихомъ!

«Виши, что старый хрѣнь затѣяль:

«Хочеть жать тамъ, гдѣ не сѣяль!

«Полно, лакомъ больно сталъ!»

Тутъ Иванъ опять сказалъ:

«Есть еще къ тебѣ прошенье,

«То о китовомъ прощеніѣ...:

«Есть, виши, море; чудо-кить
«Поперегъ его лежитъ;
«Всѣ бока его изрыты,
«Частоколы въ ребра вбиты....
«Онъ, бѣднякъ, меня прошалъ,
«Чтобы я тебя спрошалъ:
«Скоро ль кончится мученье?
«Чѣмъ сыскать ему прощенье?
«И на что онъ тутъ лежитъ?»—
Мѣсяцъ яспый говоритъ:
«Онъ за то несетъ мученье,
«Что, безъ Божія велѣнья,
«Проглотилъ среди морей
«Три десятка кораблей.
«Если дашь онъ имъ свободу,
«Сниметъ Богъ съ него невзгоду,
«Вмигъ всѣ раны заживитъ,
«Долгимъ вѣкомъ наградитъ.»

Тутъ Иванушка поднялся,
Съ свѣтлымъ Мѣсяцемъ прощался,

Крѣпко шею обнималъ,
Трижды въ щоки цѣловалъ.
«Ну, Иванушка Петровичъ!»
Молвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ:
«Благодарствую тѣя
«За сынка и за себя.
«Отнеси благословеніе
«Нашей дочкѣ въ утѣшенье,
«И скажи моей родной:
— «Мать твоя всегда съ тобой;
«Полно плакать и крушиться;
«Скоро грусть твоя рѣшился,—
«И не старый, съ бородой,
«А красавецъ молодой
«Поведеть тебя къ налою.—
«Ну, прощай же! Богъ съ тобою!»
Поклонившись, какъ умѣль,
На конька Иванъ тутъ сѣль,
Свиснуль, будто витязь знатный,
И пустился въ путь обратный.

На другой день нашъ Иванъ
Вновь пришелъ на Окіанъ.
Вотъ конекъ бѣжитъ по киту,
По костямъ стучитъ копытомъ.
Чудо-юдо рыба-китъ
Такъ, вздохнувши, говорить:
«Что, отцы, мое прощенье?
«Получу-ль когда прощенье?»
—«Погоди ты, рыба-китъ!»
Тутъ конекъ ему кричитъ.

Вотъ въ село онъ прибѣгаєтъ,
Мужиковъ къ себѣ сзываєтъ,
Черпой гривкою трясеть,
И такую рѣчъ ведеть:
«Эй, послушайте, міряне,
«Православны Христіяне!
«Коль не хочетъ кто изъ васъ
«Къ водяному сѣсть въ приказъ,
«Убирайся вмигъ отсюда.
«Здѣсь тотчасъ случится чудо:

«Море сильно закипитъ,
«Повернется рыба-китъ....»
Тутъ крестьяне и міряне,
Православны Христіане,
Закричали: «Быть бѣдамъ!»
И пустились по домамъ.
Всѣ телѣги собирали;
Въ нихъ, не мѣшкая, поклали
Все, что было живота,—
И оставили кита.
Утро съ полднемъ повстрѣчалось,
А въ селѣ ужъ не осталось
Ни одной души живой,
Словно шель Мамай войной!

Тутъ конекъ на хвостъ вѣтаетъ,
Къ перьямъ близко прилегаетъ,
И что мочи есть кричить:
«Чудо-юдо рыба-китъ!
«Отъ того твои мученья,
«Что, безъ Божія вѣлѣнья,

«Проглотилъ ты средь морей
«Три десятка кораблей.
«Если дашь ты имъ свободу,
«Сниметъ Богъ съ тебя невзгоду,
«Вмигъ всѣ раны заживитъ,
«Долгимъ вѣкомъ наградитъ.»
И, окончивъ рѣчъ такую,
Закусиль узду стальную,
Понатужился—и въ мигъ
На далекій берегъ прыгъ.

Чудо-китъ зашевелился,
Словно холмъ повернулся,
Началъ море волновать
И изъ челюстей бросать
Корабли за кораблями,
Съ парусами и гребцами.

Тутъ поднялся шумъ такой,
Что проснулся Царь морской:
Въ пушки мѣдныя палили,

Въ трубы кованы трубили;
Бѣлый парусъ поднялся,
Флагъ на мачтѣ развился,
Попъ съ причетомъ всѣмъ служебнымъ
Шѣль на палубѣ молебны;
А гребцовъ веселый рядъ
Грянулъ пѣсню на подхватъ:
«Какъ по моречку по морю,
«По широкому раздолю,
«Что по самый край земли,
«Выѣгаютъ корабли...»

Волны моря заклубились,
Корабли изъ глазъ сокрылись,
Чудо-юдо рыба-китъ
Громкимъ голосомъ кричить,
Ротъ широкой отворяя,
• Плѣсомъ волны разбивая:
«Чѣмъ вамъ, други, услугить?
«Чѣмъ за службу наградить?
«Надо ль раковинъ цвѣтистыхъ?

«Надо ль рыбокъ золотистыхъ?
«Надо ль крупныхъ жемчуговъ?
«Все достать для васъ готовъ!»
—«Нѣтъ, китъ-рыба, намъ въ награду
«Ничего того не надо,»
Говорить ему Иванъ:
«Лучше перстень намъ достань,—
«Перстень, знаешь, Царь-дѣвицы,
«Нашей будущей Царицы.»
—«Ладно, ладно! для дружка
«И сережку изъ ушка!
«Отыщу я до зарницы
«Перстень красной Царь-дѣвицы,»
Китъ Ивану отвѣчалъ,
И, какъ ключъ, на дно упалъ.

Вотъ онъ плѣсомъ ударяетъ,
Громкимъ голосомъ сзыvаетъ
Осетринный весь пародъ,
И такую рѣчь ведеть:
«Вы достаньте до зарницы

«Перстень красной Царь-дѣвицы,
«Скрытый въ ящичкѣ на днѣ.
«Кто его доставитъ мнѣ,
«Награжу того я чиномъ:
«Будетъ думнымъ Дворяниномъ.
«Если жъ умный мой приказъ
«Не исполните.... я васъ!»
Осетры тутъ поклонились
И въ порядкѣ удалились.

Черезъ нѣсколько часовъ,
Двое бѣлыхъ осетровъ
Къ киту медленно подплыли,
И смиренно говорили:
«Царь великий! не гнѣвись!
«Мы все море ужъ, кажись,
«Исходили и изрыли,
«Но и знаку не открыли.
«Только ершъ одинъ изъ нась
«Совершилъ бы твой приказъ;
«Онъ по всѣмъ морямъ гуляетъ,

«Такъ ужь вѣрно перстень знаетъ;
«Но его, какъ бы на зло,
«Ужь куда-то унесло.»
— «Отыскать его въ минуту,
«И послать въ мою каюту!»
Китъ сердито закричалъ,
И усами закачалъ.

Осетры тутъ поклонились,
Въ Земскій Судъ бѣжать пустились,
И велѣли въ тотъ же часъ
Отъ кита писать указъ,
Чтобъ гонцевъ скорѣй послали,
И ерша того поймали.
Лещъ, услыша сей приказъ,
Имянной писаль указъ;
Сомъ (Совѣтникомъ онъ звался)
Подъ указомъ подписался;
Черный ракъ указъ сложилъ
И печати приложилъ.
Двухъ дельфиновъ тутъ призвали

И, отдавъ указъ, сказали,
Чтобъ, отъ имени Царя,
Обѣжали всѣ моря,
И того ерша-гуляку,
Крикуна и забіяку,
Гдѣ бы ни было нашли,
Къ Государю привели.
Тутъ дельфины поклонились,
И ерша искать пустились.

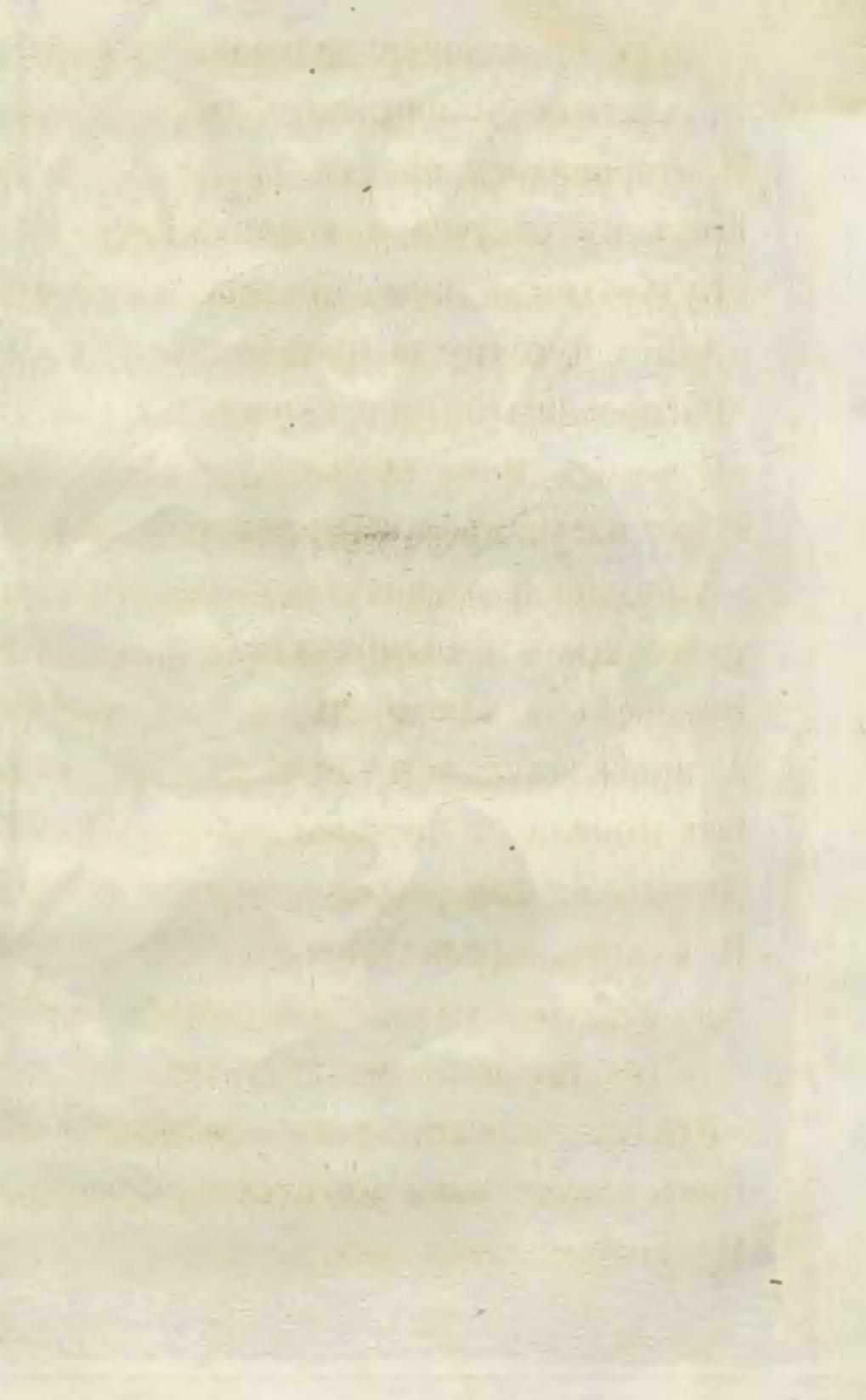
Ищутъ часть они въ моряхъ,
Ищутъ часть они въ рѣкахъ,
Всѣ озера исходили,
Всѣ проливы переплыли,
Не могли ерша сыскать, —
И вернулися назадъ,
Чуть не плача отъ печали....

Вдругъ дельфины услыхали,
Гдѣ-то въ маленькомъ прудѣ,
Крикъ неслыханный въ водѣ.

Въ прудъ дельфины завернули,
И на дно его нырнули,—
Глядь: въ прудъ подъ камышемъ,
Ершъ дерется съ карасемъ.
«Смирно! черти бѣ васъ побрали!
«Вишь, содомъ какой подняли,
«Словно важные бойцы!»
Закричали имъ гонцы.
— «Ну, а вамъ какое дѣло?»
Ершъ кричитъ дельфинамъ смѣло:
«Я шутить вѣдь не люблю,
«Разомъ всѣхъ переколю!»
— «Охъ, ты, вѣчнал гуляка,
«И крикунъ и забіяка!
«Все бы, дрянь, тебѣ гулять,
«Все бы драться, да кричать;
«Дома—нѣтъ, вѣдь, не сидится!...
«Ну, да что съ тобой рядиться,—
«Вотъ тебѣ царевъ указъ,
«Чтобъ ты плылъ къ нему тотчасъ.»

Тутъ проказника дельфины
Подхватили за щетины,
И отправились назадъ.
Ершъ ну рваться и кричать:
«Будьте милостивы, братцы!
«Дайте чуточку подраться.
«Распроклятый тотъ карась
«Поносиль меня вчерась,
«При честномъ при всемъ собраныи
«Неподобной разной бранью....»
Долго ершъ еще кричалъ,
Наконецъ и замолчалъ;
А проказника дельфины
Все тащили за щетины,
Ничего не говоря,
И явились предъ Царя.

«Что ты долго не являлся?
«Гдѣ ты, вражій сынъ, шатался?»
Китъ со гнѣвомъ закричалъ.
На колѣни ершъ упалъ,

И, призвавшись въ преступленьи,
Онъ молился о прощеньи.

«Ну, ужь Богъ тебя простить!»

Китъ державный говорить:

«Но за то твое прощенье

«Ты исполни повелѣнье.»

— «Радъ стараться, чудо-китъ!»

На колѣняхъ ершъ пищить.

«Ты по всѣмъ морямъ гуляешь,

«Такъ ужъ, вѣрно, перстень знаешь

«Царь-дѣвицы?» — «Какъ не знать!

«Можемъ разомъ отыскать.»

— «Такъ ступай же поскорѣе,

«Да сыщи его живѣе!»

Тутъ, отдавъ Царю поклонъ,
Ершъ пошелъ согнувшись, вонъ.

Съ царской дворней побрянился,

За плотвой поволочился,

И салакушкамъ шести

Нось разбилъ онъ на пути.

Совершивъ такое дѣло,
Въ омутъ кинулся онъ смѣло;
И въ подводной глубинѣ
Вырылъ ящичекъ на днѣ—
Пудъ по крайней мѣрѣ во сто.
«О, здѣсь дѣло-то не просто!»
И давай изъ всѣхъ морей
Ершъ скликать къ себѣ сельдей.

Сельди духомъ собралися,
Сундучекъ тащить взялися,
Только слышно и всего—
У-у-у! да о-о-о!
Но сколь сильно не кричали,
Животы лишь надорвали,
А проклятый сундучокъ
Не дался и на вершокъ.
«Настоящія селедки!
«Вамъ кнута бы вмѣсто водки!»
Крикнулъ ершъ со всѣхъ сердцовъ,
И вырнулся по осетровъ.

Осетры тутъ припзываютъ
И безъ крика подымаютъ,
Крѣпко вязнувшій въ песокъ
Съ перстнемъ красный сундучокъ.
«Ну, ребятушки, смотрите,
«Вы къ Царю теперь плывите,
«Я жъ пойду теперь ко дну,
«Да немножко отдохну:
«Что-то сонъ одолѣваетъ,
«Такъ глаза вотъ и смыкаетъ....»
Осетры къ Царю плывутъ.
Ершъ-гуляка прямо въ орудъ
(Изъ котораго дельфины
Утащили за щечины),
Чай додрачся съ карасемъ,
Я не вѣдаю о томъ.
Но теперь мы съ нимъ простимся,
И къ Ивану возвратимся.

Тихо море Окіанъ.
На пескѣ сидить Иванъ,

Ждеть кита изъ синя моря,
И мурлыкаетъ отъ горя;
Повалившись на песокъ,
Дремлетъ вѣрный Горбунокъ.
Время къ вечеру клонилось;
Вотъ ужъ солнышко спустилось;
Тихимъ пламенемъ горя,
Развернулася заря.
А кита не тутъ-то было.
«Чтобъ-те, вора, задавило!
«Вишь, какой морской шайтанъ!»
Говорить себѣ Иванъ:
«Обѣщался до зарницы
«Вынести перстень Царь-дѣвицы,
«А доселѣ не сыскаль,
«Окаянный зубоскалъ!
«А ужъ солнышко-то сѣло,
«И....» Тутъ море закипѣло:
Появился чудо-китъ
И къ Ивану говорить:
«За твое благодѣянье,

«Я исполнилъ обѣщанье.»

Съ этимъ словомъ сундучокъ

Брякнуль плотно на песокъ,

Только берегъ закачался.

«Ну, теперь я расквитался.

«Если жъ вновь принужусь я,

«Позови опять меня;

«Твоего благодѣянья

«Не забыть мнѣ... До свиданья!»

Тутъ китъ-чудо замолчалъ,

И, всплеснувъ, на дно упалъ.

Горбунокъ-конекъ проснулся,

Всталъ на лапки, отряхнулся,

На Иванушку взглянулъ,

И четырежды прыгнулъ.

«Ай-да Китъ-Китовичъ! славно;

«Долгъ свой выплатилъ исправно!

«Ну, спасибо, рыба-китъ!»

Горбунокъ-конекъ кричитъ.

«Что жъ, хозяинъ, одѣвайся,

«Въ путь-дорожку отправляйся;

«Три дѣнька вѣдь ужъ прошло:

«Завтра срочное число;

«Чай, стариkъ ужъ умираетъ.»

Тутъ Ванюша отвѣчаетъ:

«Радъ бы радостью поднять;

«Да вѣдь силы не занять!

«Сундучишко больно плотень,

«Чай, чертей въ него пять сотенъ

«Китъ проклятый насажалъ.

«Я ужъ трижды подымалъ;

«Тяжесть страшная такая!»

Тутъ конекъ, не отвѣчая,

Поднялъ ящичекъ ногой,

Будто камышекъ какой,

И взмахнулъ къ себѣ на шею.

«Ну, Иванъ, садись скорѣе!

«Помни, завтра минетъ срокъ,

«А обратный путь далекъ.»

Сталъ четвертый дѣнь зориться,

Нашъ Иванъ уже въ столицѣ.
Царь съ крыльца къ нему бѣжитъ—
«Что кольцо мое?» кричитъ.
Тутъ Иванъ съ конька слѣзаетъ,
И преважно отвѣчаетъ:
«Вотъ тебѣ и сундучокъ!»
«Да вели-ка скликать полкъ:
«Сундучишко малъ хоть на видъ,
«Да и дьявола задавить.»
Царь тотчасъ стрѣльцовъ позвалъ
И, не медля, приказалъ
Сундучокъ отнести въ свѣтлицу.
Самъ пошелъ по Царь-дѣвицу.
«Перстень твой, душа, найденъ,»
Сладкогласно молвилъ онъ:
«И теперь, примолвилъ снова,
«Нѣть препятства никакого,
«Завтра утромъ, свѣтикъ мой,
«Обвѣячаться мнѣ съ тобой.
«Но пе хочешь ли, дружочикъ,
«Свой увидѣть перстенёчикъ?

«Онъ въ дворцѣ моемъ лежитъ.»

Царь-дѣвица говоритъ:

«Знаю, знаю! Но признаться,

«Намъ нельзя еще вѣнчаться.»

— «Отъ чего же, свѣтикъ мой?

«Я люблю тебя душой;

«Мнѣ, прости ты мою смѣлость,

«Страхъ жениться захотѣлось.

«Если жъ ты.... то я умру

«Завтра жъ съ горя по утру.

«Сжалься матушка Царица!»

Говорить ему дѣвица:

«Но взгляни-ка, ты вѣдь сѣдъ;

«Мнѣ пятнадцать только лѣтъ:

«Какъ же можно намъ вѣнчаться?

«Всѣ цари начнутъ смеяться.

«Дѣдъ-то, скажутъ, внуку взялъ!»

Царь со гневомъ закричалъ:

«Пусть-ка только засмѣются—

«У меня какъ разъ свернется:

«Всѣ ихъ царства полошю!

«Весь ихъ родъ искореню!»

— «Пусть не станутъ и смеяться,

«Все не можно намъ вѣнчаться,—

«Не ростутъ зимой цвѣты:

«Я красавица, а ты?...

«Чѣмъ ты можешь похвалиться?»

Говорить ему дѣвица.—

«Я хоть старъ, да я у达尔!»

Царь Царевнѣ отвѣчалъ:

«Какъ немножко приберуся,

«Хоть кому, такъ покажуся

«Разудалымъ молодцомъ.

«Ну да что намъ нужды въ томъ?

«Лишь бы только намъ жениться.»

Говорить ему дѣвица:

«А такая въ томъ пужда,

«Что не выйду никогда

«За дурнаго, за сѣдаго,

«За беззубаго такого!»

Царь въ затылкъ почесаль,

И нахмуряся, сказалъ:

«Что жъ мнѣ дѣлать-то, Царица?
«Страхъ какъ хочется жениться;
«Ты же, ровно на бѣду:
«Не пойду, да не пойду!»
—«Не пойду я за сѣдова,»
Царь-дѣвица молвить снова:
«Стань, какъ прежде, молодецъ:
«Я тотчасъ же подъ вѣнецъ.»
—«Вспомни, матушка Царица,
«Вѣдь нельзя переродиться;
«Чудо Богъ одинъ творитъ.»
Царь-дѣвица говорить:
«Коль себя не пожалѣшь,
«Ты опять помолодѣшь.
«Слушай, завтра на зарѣ,
«На широкомъ на дворѣ,
«Долженъ челядь ты заставить
«Три котла большихъ поставить,
«И костры подъ нихъ сложить.
«Первый надобно палить
«До краевъ—водой студеной,

«А второй—водой вареной,
«А последний—молокомъ,
«Вскипятя его ключомъ.
«Вотъ, коль хочешь ты жениться,
«И красавцемъ учиниться,—
«Ты, безъ платья, на легкѣ,
«Искупайся въ молокѣ;
«Тутъ побудь въ водѣ вареной,
«А потомъ еще въ студеной.
«И скажу тебѣ, отецъ,
«Будешь знатный молодецъ!»

Царь не вымолвилъ ни слова,
Крикнулъ тотчасъ Стремяннова.
«Что опять на Окіанъ?»
Говорить Царю Иванъ.
«Нѣтъ, ужъ дудки, ваша милость!»
«Ужъ и то во мнѣ все сбылось;
«Не поѣду ни за что!»
—«Нѣтъ, Иванушка, не то,
«Завтра я хочу заставить

«На дворъ котлы поставить,
«И костры подъ нихъ сложить.
«Первый, думаю, налить
«До краевъ водой стуженой,
«А второй—водой вареною,
«А послѣдній молокомъ,
«Вскипятя его ключомъ.
«Ты же долженъ постараться,
«Пробы ради, искупаться
«Въ этихъ трехъ большихъ котлахъ,
«Въ молокѣ и въ двухъ водахъ.»
—«Вишь, откуда подъѣзжаетъ!»
Рѣчь Иванъ тутъ начинаетъ:
«Шпарятъ только порослятъ,
«Да индюшечка, да цыплятъ,
«Я вѣдь, глянь, не поросенокъ,
«Не индюшка, не цыплёнокъ.
«Вотъ въ холодной, такъ оно
«Искупаться бы можно,
«А подваривать какъ станешь,
«Такъ меня и не заманишь.

«Полно, Царь, хитрить, мудрить,
«Да Ивана проводить!»
Царь, затрясши бородою—
«Что? рядиться мнѣ съ тобою?»
Закричалъ онъ. «Но смотри!
«Если ты въ разсвѣтъ зари
«Не исполнишь повелѣнья,—
«Я отдамъ тебя въ мученье,—
«Прикажу тебя пытать,
«По кусочкамъ разрывать.
«Вонъ отсюда, болесть злая!»
Тутъ Иванушка, рыдая,
Поплелся на сѣноваль,
Гдѣ конекъ его лежалъ.

«Что, Иванушка, не весель?
«Что головушку повѣсишь?»
Говорилъ ему конекъ:
«Чай пашъ старый женишокъ
«Снова выкинулъ затѣю?»
Палъ Иванъ къ коньку на шею,

Обнималь и цѣловаль.

«Охъ, бѣда конекъ!» сказалъ:

«Царь въ конецъ меня сбываешь;

«Самъ подумай, заставляетъ

«Искупаться мнѣ въ котлахъ,

«Въ молокѣ и въ двухъ водахъ:

«Какъ въ одной водѣ студеной,

«А въ другой водѣ вареной,

«Молоко слышь, кипятокъ.»

Говорить ему конекъ:

«Вотъ ужъ служба, такъ ужъ служба!

«Тутъ нужна моя вся дружба.

«Какъ же къ слову не сказать:

«Лучше бѣ намъ пера не брать;

«Отъ него-то, отъ злодѣя,

«Столько бѣдъ тебѣ на шею....

«Ну не плачь же, Богъ съ тобой!

«Сладимъ какъ-нибудь съ бѣдой.

«И скорѣе самъ я сгину,

«Чѣмъ тебя, Иванъ, покину.

«Слушай: завтра на зарѣ,

«Въ тѣ поры, какъ на дворѣ
«Ты раздѣнешься, какъ должно,
«Ты скажи Царю:—«Не можно ль,
«Ваша милость, приказать,
«Горбунка ко мнѣ послать,
«Чтобъ въ послѣдни съ нимъ проститься?»—
«Царь на это согласится.
«Вотъ какъ я хвостомъ махну,
«Въ тѣ котлы мордой макну,
«На тебя два раза прысну,
«Громкимъ посистомъ присвисну,
«Ты, смотри же, не зѣвай:
«Въ молоко сперва ныряй,
«Туть въ котель съ водой вареной,
«А оттудова въ студеной.
«А теперича молись;
«Да спокойно спать ложись.»

На другой день, утромъ рано,
Разбудилъ конекъ Ивана.
«Эй, хозяинъ, полно спать!

«Время службу исправлять.»
Тутъ Ванюша почесался,
Потянулся и поднялся;
Помолился на заборъ
И пошелъ къ Царю во дворъ.

Тамъ котлы уже кипѣли;
Подлѣ нихъ рядкомъ сидѣли
Кучера и повара
И служители Двора;
Дровъ усердно прибавляли,
Объ Иванѣ толковали
Втихомолку межъ собой,
И смѣялись порой.

Вотъ и двери растворились;
Царь съ Царевной появились,
И готовились съ крыльца
Посмотрѣть на удальца.
«Ну, Ванюша, раздѣтайся,
«И въ котлахъ, братъ, покупайся!»

Царь Ивану закричалъ.
Тутъ Иванъ одежду снялъ,
Ничего не отвѣчая.
А Царевна молодая,
Чтобъ не видѣть наготу,
Завернулася въ фату.
Вотъ Иванъ къ котламъ поднялся,
Глянулъ въ нихъ — и зачесался.
«Что же ты, Ванюша, сталъ?»
Царь опять ему вскричалъ:
«Исполняй-ка, братъ, что должно!»
Говорить Иванъ: «Не можно ль,
«Ваша милость, приказать —
«Горбунка ко мнѣ послать?
«Я въ послѣдни-бъ съ нимъ простился.»
Царь, подумавъ, согласился,
И изволилъ приказать
Горбунка къ нему послать.
Тутъ слуга конька приводитъ
И къ сторонкѣ самъ отходитъ.

Вотъ конекъ хвостомъ махнулъ,
Въ тѣ котлы мордой макнулъ,
На Ивана дважды прыснуль,
Громкимъ посвистомъ присвистнуль.
На конька Иванъ взглянуль,
И въ котель тотчасъ нырнуль,
Тутъ въ другой, тамъ въ третій тоже,
И такой онъ сталъ пригожій —
Что ни въ сказкѣ не сказать,
Ни перомъ не написать!
Вотъ онъ въ платье нарядился,
Царь-дѣвицѣ поклонился,
Осмотрѣлся, подборясь,
Съ важпымъ видомъ, будто князь.

«Эко диво!» всѣ кричали:
«Мы и слыхомъ не слыхали,
«Чтобы лъзя похорошѣть!»

Царь велѣлъ себя раздѣть,
Два раза перекрестился, —
Бухъ въ котель — и тамъ сварился! —

— Царь-дѣвица тутъ встаетъ,
Знакъ къ молчанью подастъ.
Покрывало поднимаетъ,
И къ прислужникамъ вѣщаетъ:
«Царь велѣль вамъ долго жить!
«Я хочу Царицей быть.
«Люба ль я вамъ? отвѣчайте!
«Если люба, то признайте
«Володѣтелемъ всего —
«И супруга моего!»
Тутъ Царица замолчала,
На Ивана показала.

«Люба, люба!» всѣ кричатъ.
«За тебя хоть въ самый адъ!
«Твоего ради талана,
«Признаемъ Царя Ивана!»

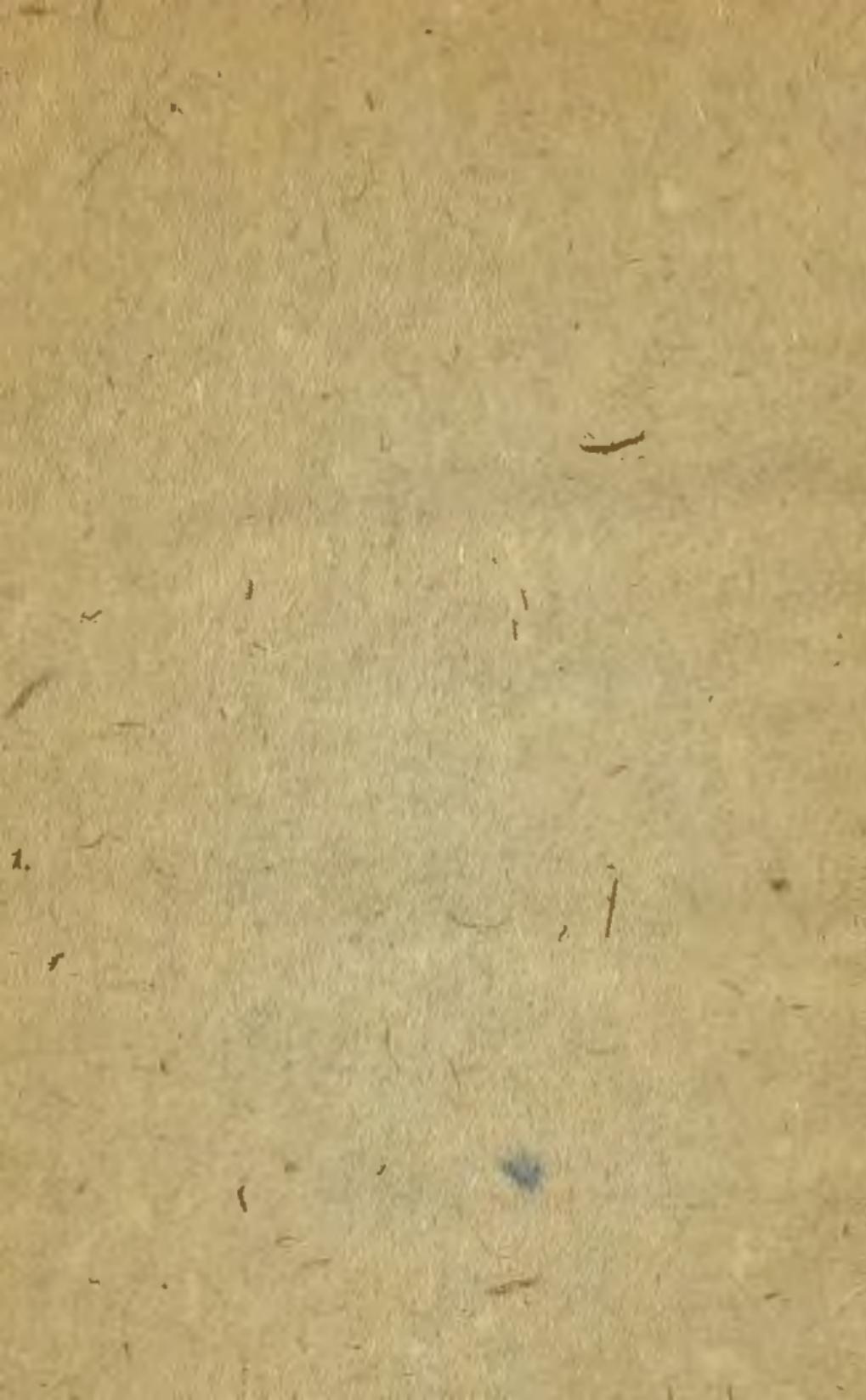
Царь Царицу тутъ береть,
Въ церковь Божію ведеть
И съ невѣстой молодою
Онъ обходитъ вокругъ налою.

Пушки съ крѣпости палить;
Въ трубы кованы трубятъ;
Всѣ подвалы отворяютъ,
Бочки съ фряжскимъ выставляютъ,
И напившися народъ,
Что есть мочушки, дереть:
«Здравствуй, Царь нашъ со Царицей!
«Съ распрекрасной Царь-дѣвицей!»

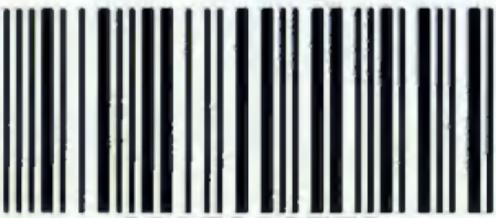
во дворцѣ же пиръ горой:
Вина льются тамъ рѣкой;
За дубовыми столами
Пьютъ бояре со князьями.
Сердцу любо! Я тамъ былъ,
Медъ, вино и пиво пилъ;
По усамъ хоть и бѣжало,
Въ ротъ ни капли ни попало.

Конецъ.

24

2007066552